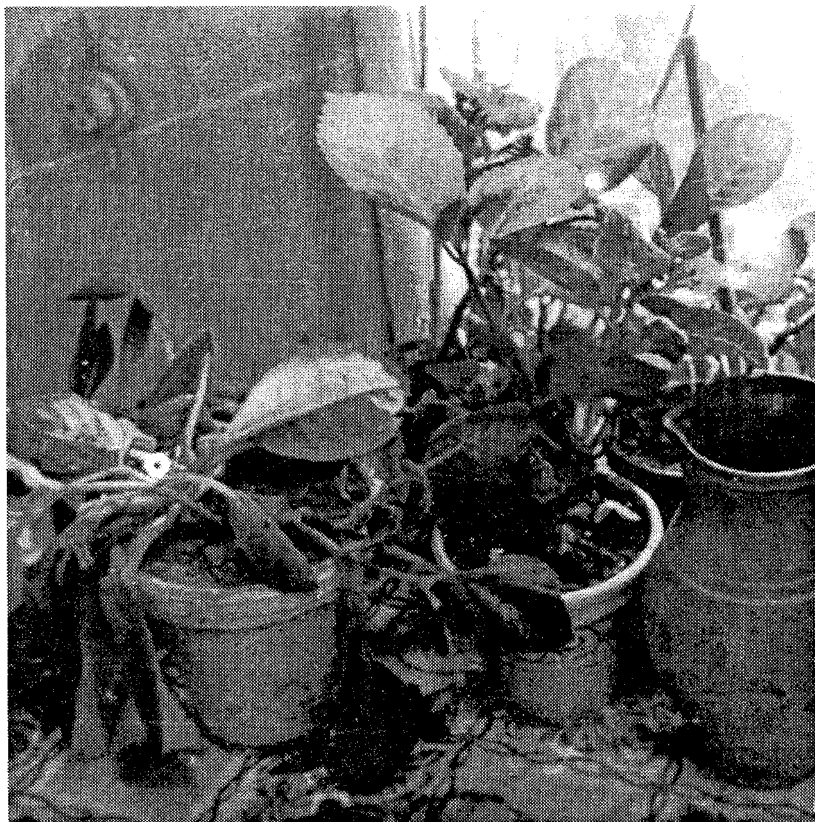

III. ИЗ МОСКВЫ ГЛЯДЯ

ПИСЬМО РУССКОМУ ДРУГУ

(Фрагменты)

Белорусский язык...
В век научно-технической революции
не постигнет ли его участь волжского диалекта?

Вашим вопросом взята под сомнение индивидуальность, а в сущности и жизнеспособность белорусов как самостоятельного народа.

Да, вопрос о белорусском языке в известном смысле существует. Правда, уже не в том объеме, нежели сто лет назад, когда и язык и весь десятимиллионный народ Беларуси воспринимались в царских канцеляриях некой химерой или «польской интригой» в так называемом Северо-Западном крае; там по триединой формуле — самодержавие, православие, народность — решалось «русское дело», то бишь задача скорейшего превращения аборигенов в «истинно русских людей». Дело сие, занимавшее умы не только полицейско-бюрократических верхов тогдашней России, судьбе угодно было отправить на свалку истории.

Сородичи мои обрели собственную государственность, первостепенные социальные и политические права, включая право на развитие «роднай мовы». На вещий вопрос «посмотрим, что скажут еще сами белорусы» (Н.Добролюбов) относительно своей самобытности, исторической полноценности они представили и продолжают представлять миру убедительнейшие доказательства.

Но затронутая Вами проблема выходит за рамки приватной беседы. Она слишком сложна и остра, напоминая о себе не раз непреодоленными остатками имперского мышления, рецидивами имперской политики. Увы, вопрос о незавидной участи белорусского языка в... Беларуси саднит острой занозой сознание многих белорусов; небезучастны к нему и сторонние наблюдатели. Хотя здесь мнения рознятся. К примеру, украинцы, поляки, чехи, словаки, болгары, литовцы, посещая республику, не утаивают своего смущения искусственным сдерживанием родного языка белорусов, тогда как р у с с к и е склонны скорее к сетованиям и раздражениям от якобы его искусственного насаждения.

Так что в своих сомнениях Вы — не исключение, хотя мне и досадно слышать примитивные стереотипы о моем родном слове даже среди просвещенных умов, озабоченных возрождением русской национальной идеи. Что уж говорить о массовом обывателе.

А проблема налицо и ее не замолчать: в Беларуси развернулась безудержная ассимиляция, точнее русификация. Устроители этого духовного кастрирования народа действуют под знаменем интернационализации. Ими попрана элементарная истина о том, что в будущую общечеловеческую семью придут и идут не безъязыкие народы-кастраты, с вытравленным чувством национального достоинства, но что каждый призван воплощать собой неповторимый букет истины и красоты. Да и с какой стати собственное призвание-мелодию в мировом оркестре белорусы должны уступать кому-то другому? Тем более, что неоднократные попытки соседей решать за них, нередко вопреки им белорусские интересы обернулись национальной деградацией населения данной страны, где ущемление и принижение коренного языка возведено едва ли не в ранг официальной политики.

Типичный продукт и духовный суррогат ассимиляторской политики явил Вам тот самый капитан дальнего плавания, сей графоманистый романист, изводящий бумагу «по-русски» только потому, что белорусский его не вдохновляет, да и читать, мол, на этом языке его никто не стал бы. Этим же вирусом национально-культурного оскопления заражена едва ли не вся белорусская интеллигенция, поражающая мир своей «безъязыкостью», национальной глухотой. Впрочем, более верным, адекватным для нее было бы название попроще, поскромнее: кадры с высшим образованием северо-западной части СССР.

Не стану ломиться в открытую дверь, утруждая Ваше, филолога, внимание различиями между диалектом и языком. Разве что коснусь некоторых «узелков» на исторической линии восхождения белорусского народа, дабы лучше уяснить живительные источники «маёй сінявокай Радзімы і роднае мовы маёй». И также —преходящий характер недуга «безъязыкости» в белорусском обществе.

Письмо русскому другу — это и моя тоска по сегодняшнему Николаю Добролюбову, способному с высоты могучего велико-

державного полета взглянуть на белорусскую судьбу не только покровительственно, но и уважительно.

Итак, несколько отступлений.

В пору продвижения с Юга на Север, пришедшие к берегам озера Ильмень переселенцы в окрестностях этих «нашли уже славянский народ, говоривший *белорусской* речью (Кривичей)», а реку Мутную, вдоль которой расселились пришельцы, они переименовали в Волхов, озеро же Мойско, из которого река брала начало — в Ильмер. «Вероятно, — продолжает далее Н.И. Костомаров, — страна , где поселились новгородцы, была или обитаема, или граничила с обитаемою Кривичами (белорусами), подтверждая тем, что белорусское наречие действительно вторгается в глубину Новгородской земли»[1]. Возможно, отчасти по несходству обычаев тутошних жителей и пришельцев (те позднее пригласят к себе в князья скандинава Рюрика) возникали спорадические столкновения между Полоцком и Новгородом. Сепаратизм полочан, как известно, оказался немалым препятствием на пути «древнерусской» централизации по линии Киев-Новгород.

Известно кое-что и о непомерно высокой цене, оплаченной Полоцким княжеством (включая Минщину) за нежелание примирить собственные вечевые начала с «общерусским» централизмом, в ту пору далеко не демократическим. «На Немизе снопы стелют головами, молотят чепи хоролужными, на тоце живот кладут, веют душу от тела. Немизе кровави брезе не бологом бяхуть посеяни —посеяни костьми руских сынов», — сурово повествует автор «Слова...», творивший, возможно (давняя белорусская версия о происхождении памятника), где-нибудь у берегов Немиги или Свислочи. Несколько лет спустя после описанной битвы спокойные воды мученицы-Немиги снова возмутятся от нашествия киевского воинства, на сей раз во главе с князем Владимиром, запечатленным в нашей памяти не сплошь ласкательной ипостасью «красного солнышка»: «Не оставиша ни челядина, ни скотины, все разграбиша и пожогша».

«...все разграбиша и пожогша» — вот он, роковой рефрен, пронизавший тысячелетнюю историю Беларуси в части писанной киевскими князьями, московскими царями, германскими меченосцами. Не о том ли поэтическое и страдальческое слово Баяна

белорусского возрождения (кажись, поныне неизвестное русскому читателю)?

Сотні лет, непрыяцелем-братам прыбітая,
Зарастаючы зельлем чужым, як лазой, сенажаць,
Ты ляжала ня памяці пылам пакрытая,
А народ твой быў змушан маўчаць і табой пагарджаць...

(Янка Купала «Беларушчына». 1908 г.)

Такова она, история и философия моего народа, способная подсказать нечто сущее, неизъяснимое в судьбах белорусского языка и безвестного белорусского Гамлета.

Вернемся, однако, к средневековью. Только ли феодальной раздробленностью, стремлением полоцких, туровских, витебских, минских, гродненских (рискну добавить: и смоленских) капиталов на Запад и прочими «материальными» причинами объяснимо поведение белорусских князей-«сепаратистов»? Те, по свидетельству летописца, и позднее, не вняв кровопускательным урокам, упрямо сторонились «общерусской» упряжки, повергая в раздражение (на сей раз сына Мономаха — Мстислава) тем, что «зане не бяхуть в его воле, не слушахуть его, коли зевяше в рускую землю». Причины подобной политики коренились, по мнению авторитетного историка, не в фамильной вражде, не в недрах княжеского рода, не в каких-либо привнесенных обстоятельствах, а «в настроениях самого населения»[2], обусловленных, в свою очередь, географией, климатом и, разумеется, мировосприятием данного народа, закрепленном в его языке.

Все эти упомянутые выше моменты симптоматичны для понимания изначального этнокультурного своеобразия белорусов, восходящего к глубокой древности. Неистребимая в народе воля к самоутверждению позволила ему — уже в эпоху крушения государственных империй и заката империальных религий — во всеуслышание заявить и отстоять свое стремление «людзьмі звацца» (Я.Купала).

Пеплом Хатыни белорусы окончательно заручились признанием других народов и государств, заняв свое место в Организации Объединенных Наций. Хотя кое-кто и поныне норовит иметь дело с этим народом, не скупясь на комплементы по части его

покладистости, за пределами... белорусского языка, белорусского государства, белорусской политической и духовной независимости.

Многие столетия этот народ, оставленный своей аристократией, иноземные властелины норовили, каждый на свой лад, сделать «истинным». Не вышло. Остался он верен своему предназначению, хотя и вышел из длительной инквизиторской лаборатории духовно надломленным — почти без своих писателей, философов, художников, композиторов. Многие столетия рождал он для могущественных соседей Костюшек, Мицкевичей, Достоевских... Но не мог научать своих детей родному языку и, стало быть, народной духовности и мудрости. Так и вырастали бездуховные поколения, лишенные исторической памяти, чувства национального, языкового самоуважения. Но, должно быть, слишком значим оказался у этого народа изначальный «масштаб совершенства» (И.Гердер), позволивший ему встряхнуться от запамятования как раз тогда, когда история уже, казалось, завершила в данной части планеты поименную инвентаризацию народов и государств.

Дунин-Марцинкевич, Калиновский, Богушевич, Купала, Колас, Богданович, Тетка, братья Луцкевичи, Ластовский, Буйницкий, Лесик, Гарун, Горецкий... Из недр белорусских подымаются новые люди, являя миру идею своего народа, сокрытую под домотканым рубищем. С возрождения белорусского языка начали они великую и нелегкую работу. Их стараниями заговорили в полный голос белорусская кривда и правда — со страниц белорусских книг и газет.

Словом, наказ Матея Бурачка (Богушевича) не забыт: «Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб ня ўмёрлі!» Живет и здравствует язык белорусский, а с ним — народ Беларуси. И если кому-то кажется, что это развитие — к закату, то в таком заблуждении меньше всего повинны белорусы.

За сравнительно короткий срок в Белоруссии возведено немало заводов, городов; осушены (точнее, почти иссушены) болота, обеспечены социальные блага. Но — не довершено национальное возрождение, высшим проявлением которого стала бы всеобщая языковая культура: когда живая белорусская речь, белорусский литературный язык вернулся бы в кабинеты судей и политиков, в залы заседаний, школьные классы и студенческие аудитории, на улицы и площади городов и поселков. Словом, когда этот язык —сегодня помыкаемый и понукаемый охамевшим властелином и массовым полуобразованцем — займет в собственном дому испокон принадлежащее ему место хозяина, а не униженного «гадкого утенка». Какое, к примеру, занимал он во времена Францишка Скорины, канцлера Льва Сапеги...

Трудно сказать, когда придет поколение белорусов, свободное от языковой неполноценности. Но уже сегодня заметно, как тянутся к солнцу молодые, обновленные побеги на белорусской ниве. Политики способны ускорить или замедлить этот необратимый возрожденческий процесс, но не в состоянии переделать его внутреннюю логику — даже посредством вводимых законов, открывающих путь к... беззаконию.

Ведь что происходит на практике? После многовекового изгнания нашему родному языку позволили, наконец, существовать рядом с русским — на унизительных условиях некоего приживальщика (на своей собственной земле!). Во всех областях образования, науки, культуры, в деловой, информационной, официальной жизни республики господствует русский. Белорусский — по существу загнан в отдельные резервации: на уроки белорусского языка (в «русских», в подавляющей массе, школах), в единичные белорусские газеты, театры и иные редкие национальные «островки», захлестываемые великорусской «языковой» волной. Тщетно при данных обстоятельствах ожидать национальных порывов со стороны местной образованной элиты. Сызмальства обученная чужому и почти начисто отученная от родного, она уже не передает своим детям язык... материнский и даже не прочь оградить их (благо — закон освящает) от белорусской школы — там, где таковые остались.

И все же. Возможности денационализации белорусов не беспредельны. Об этом говорят многие явления как в самой Беларуси, так и в соседних странах — Польше, Украине, Литве, Латвии, да и во всем современном мире. Не все и не всюду омертвлено необузданным задыхающимся прогрессом. Жизнь наполняют новые, более сильные национальные импульсы, способные вра-

чевать и возвышать человеческий дух над «свиными помоями» века.

Многое говорит за то, что завтрашний день явит и в Беларуси нечто вроде единого национального фронта, призванного в полном объеме довершить здесь дело, начатое Богушевичем и Купалой. И тогда мой народ, окончательно осознав свою идею, став полновластным хозяином в своем доме, вряд ли позволит напяливать на себя без надобности иноязычные одежды. Отчего у него ничуть не убавится желание постигать издавна ему близкий язык сестры-России.

Можно надеяться также: со временем и русский язык в отношениях с «беларускаю моваю» найдет оптимальное сочетание величия и великодушия. Тем более, что подобная гармония заложена в нем самой природой. Ведь не случайно всеми чтимый россиянин В.И. Ульянов-Ленин когда-то пророчески наказывал «защищать российских инородцев от нашествия того истинного русского человека великоросса-шовиниста, в сущности подлеца и насильника, каким является типичный русский бюрократ»[3].

Конечно же, мы различаем благородство русского народа и имперское самодурство «истинно русского держиморды», довершаемое сегодня обюрокраченной и обезнационаленной частью белорусского общества. И все-таки — это лишь часть, отнюдь не сводимая к целому и далекая от внутреннего состояния, исторической динамики белорусской общности.

Не в моих намерениях в чем бы то ни было просвещать Вас. Но и не надеяться на понимание и поддержку русскими друзьями белорусских национальных устремлений не могу. Надежда моя покоится на глубоком уважении к русской идее — отрицающей религию власти во благо религии духа. Понятно, без духовного самоочищения русского народа трудно и белорусам рассчитывать на успех своего освободительного, возрожденческого дела.

Породненных столетиями, не разобщат нас и грядущие испытания. Разве что и сами мы научимся одинаково уважать и свое родство, и обоюдные различия, индивидуальность и неповторимость друг друга. Избавляясь, тем самым, от остатков внутреннего панмонголизма — тяжелейших оков российской политики и, случается, русского национального мышления. Вспомним незабвенного Владимира Соловьева, восставшего когда-то против «принудительного и прямолинейного обрусения» российских окраин (см. его работу «Национальный вопрос в России». Спб., 1888. С. 106 и др.). Многое изменилось с тех пор. России пришлось поступиться «своими» окраинами во благо независимости угнетаемых народов. Отчего ни сила, ни слава русского народа, ни, тем более, уважение к нему со стороны белорусов, украинцев, поляков, финнов и других, кажется, не пострадали.

Будем же последовательно внимать провидческому голосу Истории.

1976 - 1977 гг.

---

[1] *Правда москвичам о Руси // Основы. Спб., 1861. Кн. 10. С. 4.*
[2] *Любавский М.К. Основные моменты истории Белоруссии. М., 1918. С. 11.*
[3] *Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 357.*

ЭТНИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ НАРОДА

Авторы коллективной работы[1] (В.К. Бондарчик, Г.И. Касперович, П.В. Терешкович, И.Г. Углик, И.В. Чаквин) представили тысячелетнюю историю народа, начиная с эпохи Киевской Руси и заканчивая современной социалистической Белоруссией. Отдельно рассмотрена историография вопроса, показан вклад в становление и развитие белорусоведения ученых средневековья Ф. Скорины, С. Будного, М. Стрыйковского, Ю. Крижанича, в новое и новейшее время — З. Доленги-Ходаковского, К. Калайдовича, И. Григоровича, Н. Добролюбова, П. Шпилевского, А. Пыпина, А. Шахматова, М. Вишневского (в книге, видимо, по опечатке, значится Вишнецкий), Я. Карловича, Й. Шафарика, М. Довнар-Запольского, Е. Романова, Е. Карского, Н. Янчука, В. Пичеты, Д. Онучина, М. Гринблата, В. Перцева, П. Третьякова, многих других представителей отечественной и зарубежной славистики.

Интересно и, пожалуй, наиболее убедительно освещено в работе формирование белорусской народности (XIV—XVI вв.) на основе, с одной стороны, политического и культурного наследия

древней Руси, общей восточнославянской прародины белорусов, русских, украинцев, а с другой — межэтнических контактов с западными соседями — литовцами, латышами (латгальцами), поляками. Отмечен также полиязычный, «открытый» характер письменной культуры средневековой Белоруссии, представленной многими произведениями на старославянском, белорусском, русском, украинском, польском, литовском, латинском, еврейском, немецком, татарском и других языках. Однако со временем чрезмерные заимствования, навязывание иноплеменных политических и культурных образцов и ценностей, затяжная религиозная борьба между православием и католицизмом привели к упадку белорусской письменной культуры, к возникновению глубокого не только социального, но и этнокультурного раздела между высшими, отчасти средними слоями и трудящимися низами Белоруссии. Все вместе взятое во многом осложняло, тормозило консолидацию белорусского этноса. В книге справедливо указано на несостоятельность бытовавших в прошлом взглядов на белорусов как однородную, исключительно православную этноконфессиональную общность, тогда как специфической чертой этого этноса являлась его поликонфессиональность, включая, наряду с православными, белорусов-католиков, белорусов-униатов, носителей других вероисповеданий (с. 103).

Национально-религиозный вопрос, отмечают авторы, неоднократно использовался в классово-политических интересах по отношению к Белоруссии имущими классами Польши и царской России. Важен при этом объективный, «сбалансированный» подход к проблеме, поскольку на социально-этническом развитии белорусов отрицательно сказалась не только экспансия католицизма, но, в известной степени, и охранительная, денационализирующая политика православного духовенства.

Процесс национальной консолидации белорусского народа (XIX —начало XX вв.) осложнялся неравномерностью социально-экономического, в особенности промышленного развития, слабостью национальной буржуазии, в подавляющей массе аграрной, своеобразием состава белорусских городов, в которых белорусы по переписи 1897 г. составляли явное меньшинство (лишь 17,1%), уступая по количеству евреям (57,5%, вследствие искусственно созданной властями «черты оседлости»), русским (17,7%) (с.153). Высказывание Ленина о «мужицких нациях» авторы книги соотносят с социально-классовой характеристикой белорусской буржуазной нации, 93% населения которой проживало на селе (с.159). Из-за инонационального характера господствующей в дореволюционной Белоруссии торгово-промышленной буржуазии ослаблялась этноконсолидирующая роль экономического фактора. В этих условиях, отмечается в книге, возрастающее воздействие на развитие белорусского этноса оказывали политические явления, национально-освободительное движение, особенно усилившееся в ходе революции 1905-1907 гг.

Вывод авторов о сформировавшейся в начале XX в. белорусской нации подкреплен ссылками на рост национального самосознания, окончательное закрепление в обиходе этникона «Белоруссия» и этнонима «белорус», вытеснивших все другие, в разное время применявшиеся к этой общности названия («Литва», «литвин», «русин», «русский», «кривич»), на усиление привязанности к белорусском языку, не признававшемуся, как и белорусский народ, царским режимом. Национальной консолидации белорусов во многом препятствовала ассимиляторская политика царизма вкупе с иерархией православной церкви (недопущение школ, религиозных отправлений на родном языке и т.д.). Некоторые негативные плоды этой политики (например, уменьшение в Могилевской губернии удельного веса населения, считавшего родным языком белорусский, с 82,1% в 1897 г. до 50,3% в 1913 г.) почему-то представлены в книге, без каких-либо пояснений, «закономерным явлением русско-белорусской интеграции» (с. 164).

Победа октябрьской революции, национально-государственное самоопределение и вхождение Белоруссии в состав СССР, воссоединение в 1939 г. западнобелорусских земель с Советской Белоруссией, — эпохальные события, обусловившие качественно новые предпосылки дальнейшего развития белорусского этноса. В этой части книга насыщена богатой информацией об экономических, научных, культурных достижениях советской Белоруссии, о дружбе народов многонациональной страны. Авторы обра-

щают внимание на активное двуязычие в республике, развиваемое на основе белорусского языка (родным его назвали 83% белорусов) и русского — как языка межнационального общения (свободно владеют 62% и считают родным 16% представителей коренной национальности). Стоит, однако, заметить, что этнолингвистическая ситуация в современной Белоруссии представлена исключительно в розовых тонах: авторы утверждают, что в нынешних условиях «расширяются функции белорусского литературного языка» (с. 206). Между тем многие реальные факты говорят не только об этом, но и о наметившемся в последние десятилетия неоправданном сужении общественно-политической сферы функционирования этого языка, что вызывает острую тревогу среди белорусской общественности [См., например, выступление первого секретаря правления Союза писателей БССР Н. Гилевича на пленуме правления СП СССР[2], материалы пленума правления СП БССР[3], а также публикации в газете «Звязда» от 18.IX и 15.XI.1987 г.] и мимо чего вряд ли может проходить наука. Впрочем, книга готовилась к печати в застойные, «доперестроечные» годы и превалирующий в ней местами беспроблемный, «заздравный» подход можно понять, хотя трудно принять.

Несколько частных замечаний. Нет достаточных оснований считать «Грамматику словенску» Лаврентия Зизания (1596) в языковом отношении белорусской. Пособие предназначалось, как это видно из названия, изучающим церковнославянский (книжнославянский) язык, для обоснования важности которого автор в предисловии использовал элементы тогдашней живой белорусской речи. Справедливо подчеркивая плодотворность влияния передовой русской культуры на духовное развитие белорусского этноса (с. 163), следовало бы вспомнить об украинской, польской, литовской культурах, оказавших, каждая по-своему, благоприятствующее воздействие на активизацию творческих сил дореволюционной Белоруссии. Из текста на с. 162 можно понять, что перевод В. Дуниным-Марцинкевичем на белорусский язык двух первых частей поэмы А. Мицкевича «Пан Тадеуш» впервые издан в 1907 - 1908 гг., тогда как первое издание этого перевода, запрещенное царской цензурой, было осуществлено в 1859 г. Говорится о массовой миграции белорусского населения в Россию (XVII - XVIII вв.) в поисках спасения от социального и национального гнета (с. 121). Для полной объективности не мешало бы учитывать также поток беглецов в обратном направлении, из русских земель — в белорусские. В 1772 г., например, Н. Панин, высший сановник в правительстве Екатерины II, в числе предлогов к первому разделу Речи Посполитой назвал необходимость возвращения бежавших туда из помещичьих и государственных имений России свыше 300 тыс. человек[4]. Словом, в феодальную эпоху миграция крепостного крестьянства за границу, как форма стихийного сопротивления, носила всеобщий характер.

Бросаются в глаза некоторые разночтения. Так, на с. 210 утверждается, что белорусы впервые за свою историю обрели собственную государственность лишь после Октябрьской революции, а несколько выше (с. 122) подчеркивается этноконсолидирующая роль Великого княжества Литовского, «единого полиэтнического государства» литовцев, белорусов, украинцев, в котором старобелорусский, по-тогдашнему «руски» язык выступал в роли официального, общегосударственного языка. Здесь, вероятно, произошло смешение понятий «социалистическая государственность» и «государственность» — качественно иной характер первой вряд ли может перечеркнуть страницы истории белорусского этноса, связанные со второй. В целом же дискуссионная проблема государственности белорусов периода Великого княжества Литовского все еще ждет своего решения и оно достижимо лишь на пути глубоких научных исследований.

Отдельные просчеты и неточности несколько снижают научную достоверность книги, ставшей, тем не менее, вкладом в разработку малоизученной этнической истории одного из славянских народов.

1988 г.

---

[1] *Этнаграфія беларусаў. Гістарыяграфія, этнагенез, этнічная гісторыя. Мн., 1995 г.*

[2] *Литературная газета, 1987, 6 V.*

[3] *Літаратура і мастацтва, 1987, 12 VI, 10 VII, 13 XI.*

[4] *Сборник Русского исторического общества. Т. 72. Спб., 1891. С. 143 - 144, 150.*

ШОВИНИСТЫ КУРАЖАТСЯ

Генеральному секретарю ЦК КПСС
М.С. Горбачеву

20 апреля 1986 г. в центре Минска, на набережной Свислочи, на глазах многочисленных прохожих произошло вопиющее бесчинство. Группа молодчиков из числа бывших воинов-афганцев, при равнодушном наблюдении работников милиции, разогнала участников театрализованного народного обряда «Гуканьне вясны». Фольклоризованное шествие молодежи происходило в рамках традиционной Недели изобразительного искусства, посвященной дню рождения В.И. Ленина и Международному Году Мира. Участники представления, исполнявшие белорусские народные песни, подверглись грубым оскорблениям и избиению, сопровождаемыми шовинистическими выпадами: «На каком языке вы говорите?!»; «Говори по-русски, я по-белорусски не люблю!»; «Вы —националисты!», «Вы — фашисты!» и т.д. и т.п. Под озверелое улюлюканье «воинов-интернационалистов» макет бумажной птицы-веснянки, символа призываемой весны, был вырван из рук учеников-подростков, брошен под ноги и демонстративно растоптан. Участники шествия, да и многие сторонние наблюдатели были шокированы столь вопиющим глумлением над национальным и личным достоинством. Дело усугубляется тем, что работники партийных и правоохранительных органов Минска не вняли официальным заявлениям пострадавших. Более того, руководящие чиновники всячески норовят выгородить инспираторов и исполнителей этого грязного шовинистического шабаша, замять сие поражающее разнузданностью и безнаказанностью надругательство над людьми.

Обо всем случившемся пишут на имя генерального секретаря ЦК КПСС и просят партийного разбора по существу инцидента члены Союза художников БССР А.А. Марочкин, Н.И. Купава, а также авторы других писем.

Мои беседы с участниками упомянутого шествия во время недавнего пребывания в Минске (на международной научной конференции, посвященной 500-летию белорусского и восточнославянского гуманиста-просветителя и первопечатника Ф. Скорины) позволяют добавить следующее.

Специальное рассмотрение представителями ЦК КПСС чрезвычайного происшествия в белорусской столице безусловно способствовало бы восстановлению попранной справедливости, упрочению поколебленной веры в необратимость наметившейся в партии и стране перестройки, демократизации общественной жизни.

Убежден также, что вмешательство ЦК позволит выяснить наслоившиеся в республике ошибки в проведении национальной политики, логическим следствием и удручающей иллюстрацией которых и явилось описанное выше бесчинство.

Ноябрь, 1986 г.

О ПОЛНОТЕ КУЛЬТУРЫ *

Вопрос о целостности культуры актуализирован пробудившимися в стране национальными движениями. Эти противоречивые, местами драматические процессы, при всех местных различиях, имеют один общий знаменатель: национальное возрождение. Понимая под этим разрыв с многолетней практикой диктата, унификации культурной жизни и ассимиляторства, со всем тем, что командно-административная система долгое время выдавала и, по инерции, норовит выдавать, не без услужливого поддакивания иных «теоретиков» от науки, чуть ли не за образец интернационализма.

Мне только что довелось быть в Минске, участвовать в работе учредительного съезда Общества белорусского языка (Таварыства беларускай мовы). Услышанное в выступлениях делегатов —учителей, рабочих, писателей, ученых — напоминает чем-то сплошной вопль и протест против бесправного положения родного языка белорусов на их исконной земле, поставленного неблаговидной политикой едва ли не на грань вымирания. С этой же саднящей национальное самосознание болью не так давно обращались за сочувствием и поддержкой в Москву, на имя М.С. Горбачева, видные представители белорусской интеллигенции (письмо «двадцати восьми» от 15 декабря 1986 г.). Картина куда уж безрадостнее: повальное закрытие белорусских

школ (в столице республики на полтора миллиона жителей ни одной из таковых не осталось, подобная картина в Витебске, Бресте, Полоцке, Могилеве, Борисове, Пинске, Гомеле, практически во всех других крупных и мелких городах), самовольный перевод на русский некоторых прежних белорусскоязычных изданий, вытеснение белорусского слова из всех основных сфер духовно-культурной, научной (в Институте философии, к примеру, за двадцать истекших лет не было выпущено ни одной белорусской книги, хотя местных философов не упрекнешь в недостатке печатной продукции), политической жизни. Доходит до абсурда: даже национальную классику — произведения Дунина-Марцинкевича, Купалы, Коласа, Гарецкого и других — белорусские школьники впервые начинают постигать в русских переводах. Вообще, чиновничество в Белоруссии — доморощенные полуобразованцы вкупе с залетными «инородцами»-шовинистами — пренебрежением, а то и нескрываемым глумлением над языком титульной нации пожалуй давно и намного обскакало в сем неблаговидном деле подобных себе трибунщиков-интернационалистов в других республиках Союза. Там, во всяком случае, пока еще не потчуют зуботычинами, милицейскими дубинками и газами слезоточивыми за выражаемую публично приверженность родному слову, национальным святыням. В БССР, «самой интернациональной республике», подобные прецеденты уже имели место быть.

Не удивительно, что наиболее сознательная часть белорусского общества, которая и ранее не мирилась с беззастенчивой денационализацией, сегодня все громче и решительнее подает свой голос в защиту национального достоинства, за обуздание ассимиляторского паводка. Упомянутое выше Общество вошло с предложением в Президиум Верховного Совета республики о безотлагательном закреплении за белорусским языком статуса государственного, при сохранении за русским функции языка межреспубликанского общения. Очевидно, что тщательное, взвешенное осмысление уроков национально-языкового строительства, а вернее, разрушительства в Белоруссии и, по-видимому, не только в ней, позволило бы более объективно, критически оценить концепцию о национально-русском двуязычии,

во избежание дальнейшей ее абсолютизации и неизбежных при этом практических издержек и явного «языкового» волюнтаризма.

Итак, беспрепятственное и всестороннее развитие родного языка, гарантированное его формально-юридическим и фактическим равноправием, — это первейшее, основополагающее условие целостного, гармонического развития национальной культуры.

Другая, по-своему также острая проблема связана с восстановлением полноты культурного фонда, с возвращением в духовный оборот общества незаслуженно забытых или недооцененных личностей и творений, способных углублять и обогащать источники нравственного и эстетического воспитания людей, укреплять их историческое и национальное самосознание.

Отрадно видеть возвращение к читателю, после долгих лет забвения, творческого наследия русских мыслителей В. Соловьева, Н. Федорова, В. Розанова, Н. Трубецкого, П. Флоренского и других. Эта живительная тенденция по возвращению забытых и полузабытых имен и ценностей неизбежно коснется и уже коснулась каждой национальной культуры.

Сошлюсь, для примера, на яркую личность Франциска Скорины, белорусского и восточнославянского гуманиста-первопечатника. Что говорит это имя массовому советскому читателю, не считая узкого круга специалистов? Хотелось бы ошибиться, но, думаю, говорит не очень многое. И не удивительно, если в вузовских учебниках по истории СССР, даже по истории книгопечатания, о Скорине нет и упоминания, хотя в Белоруссии в его честь только что издана персональная энциклопедия. Гуманист-просветитель, писатель и философ, переводчик и первопечатник «Бивлии руской», доктор искусств и медицины Ф. Скорина почти полтысячелетия назад впервые на восточнославянских землях сформулировал и провел в жизнь кредо народного просветительства: не только доктора и иные ученые мужи в книгах смыслят, «но всякий человек простый и посполитый чтучи их или слухаючы может поразумети, что есть потребно душному спасению». В отечественной культуре русич-полочанин развил и обогатил творческую традицию сочетания рационального знания и веры в

Высший Абсолют, просвещения и просветления человека, глубокого патриотизма и общечеловеческой отзывчивости, явив именно тот тип духовного просветительства, о котором позднее проникновенно скажет Н.В. Гоголь: «Просветить не значит научить, или поставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, провести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь». Хорошо было бы в 500-летний юбилей со дня рождения знаменитого просветителя-библеиста, широко отмечаемый по рекомендации ЮНЕСКО международной общественностью, поставить вопрос о всенародном прочтении (посредством переиздания) скориновских книг, возвращения их тем самым «людям простым, посполитым», кому они изначально предназначены. Был бы это еще один значительный шаг на пути к восполнению нашего культурного богатства в части сочетаемости христианских и материалистических ценностей, взаимоотторжение и, тем более, искусственное противостояние которых, кажется, предостаточно отомстило нам опрощением и оскудением духовной жизни, губительно сказавшись на морально-эстетической «экологии» личности и общества.

Нуждаются в восполнении и источники для наших теоретических изысканий по проблемам нации и межнациональных отношений, явно отягощенные бесконечным догматизированным пережевыванием отдельных, нередко вырванных из конкретного исторического контекста высказываний классиков марксизма вроде как «пролетариат не имеет отечества», «интернациональное важнее национального», «думать не о своей только нации» (на практике подобное «думание» не раз оборачивалось полнейшим равнодушием к животрепещущим проблемам собственного народа) и т.д. и т.п. До сих пор по-настоящему не оценена, научно не освоена наша демократическая и революционно-демократическая мысль по национальному вопросу (А. Герцен, Н. Огарев, Н. Бакунин, М. Драгоманов, И. Франко, К. Калиновский, народническая группа «Гомон» и др.). Между тем среди этих мыслителей в свое время прозвучали пророческие предостережения по адресу идеологов зарождавшегося пролетарского движения о неправомерности нигилистического или узко тактического подхода к национальным проблемам, об опасности, как бы на смену самодержавно-монархическому деспотизму в России не пришла бы революционно-централистская, бюрократическая диктатура, «новый самодержавный властелин» (выражение М. Драгоманова), чуждый подлинному самоопределению народов на началах суверенитета, равноправия и самоуправления. Тем более, что к этой же демократической тенденции восходит своими истоками и ленинский идеал возрождаемой ныне социалистической федерации. Уместно, полагаю, сослаться на высказывание Герцена: «Централизация противна славянскому духу, федерализация гораздо свойственнее его характеру. Только сгруппировавшись в союз свободных и самобытных народов, славянский мир вступит, наконец, в истинно-историческое существование. Императорский панславизм... не имеет ничего общего с союзом, основанным на началах свободы» (из письма к французскому историку Ж. Мишле от 30 марта 1858 г.). Злободневность этих слов достаточно очевидна и они вряд ли нуждаются в комментарии, разве что в незначительной оговорке: имперские замашки могут рядиться не обязательно в панславистские одежды.

И еще одно соображение — касательно трактовок социалистического патриотизма. Здесь, как и в отношении нации, предстоит, на мой взгляд, преодолеть налет упрощенного идеологизирования, вызванного отчасти противопоставлением или разобщением этнического и социального моментов. Не свободно от этого изъяна и соответствующее положение новой Программы КПСС, где источник патриотической гордости народа ограничен лишь победой Великого Октября. Такое историческое «укорачивание» патриотизма противоречит ленинской формулировке (одно «из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств»), а также многовековым общественно-культурным традициям, питающим национально-патриотическое самосознание народов СССР. Разделяю высказанное предшествующим докладчиком из Таджикистана академиком Ашуровым мнение о том, что программный документ партии в части национального развития и межнациональных отношений явно «отстал» от реальной жизни и не оказывает на нее того влияния, на которое рассчитан.

Трудно также согласиться с отдельными попытками этнического обезличивания советского патриотизма, когда его дифференциация по национальным признакам (русский, украинский, грузинский, белорусский и т.д.) расценивается как национальная ограниченность; под вопрос ставится само понятие национального патриотизма**. Тем не менее, идея о разнообразии мира, уникальности каждой нации, национальной культуры, а значит, национального чувства, патриотической настроенности каждого народа обретает, наконец, права гражданства в нашем обществоведении.

***

РЕПЛИКА НА РЕПЛИКУ

Вот уж никак не предполагал я упоминанием о государственном статусе белорусского языка всполошить здесь призрак «насильственной белорусизации», от которой предостерегал присутствующих уважаемый оппонент Г.Н. Митин. Не прикажете ли утешиться, смириться с тем, что сегодня лишь около 15% белорусской детворы, в основном на селе, могут обучаться на родном языке? Ни в одном городе Белоруссии, где свыше 70% составляет коренное население, не осталось ни одной белорусской школы. Как ни называйте этот факт — насильственной или добровольной ассимиляцией, а точнее, русификацией, духовное оскопление одного из древнейших славянских народов, с немалыми к тому же культурно-языковыми традициями, налицо. И этот вопиющий беспредел не намерена далее сносить национально сознательная Беларусь. Народ Скорины, Калиновского, Купалы, согласитесь, достоин лучшей участи, нежели участь безликой, униженной рабсилы одной из региональных «заготконтор».

---

* *Сообщение на международной научной конференции в Институте языкознания АН СССР 28 июня 1989 г. по вопросам межнациональных отношений и языковой политики.*

** *См. Бромлей Ю.В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых подходов. М., «Наука», 1988. С. 188.*

«ПРАВА СПИСАНЫЕ МАЕМ...»

На очередном скорининском семинаре в Институте мировой литературы им. А.М. Горького обсуждалось (27 ноября 1989 г.) энциклопедическое издание «Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Даведнік. Каментарыі. Мн., Беларуская Савецкая Энцыклапедыя. 1989. 547 с.».

Национально-культурное возрождение, переживаемое страной, востребовало к новой жизни наше богатое наследие. В Белоруссии счет востребованным ценностям весьма значителен. Вот и «Статут». Четыреста лет ждал он своего «возвращения» на родину. Ведь первое белорусскоязычное издание 1588 года все эти столетия было единственным, давно став библиографическим раритетом. В то же время на польском, русском языках памятник издавался по нескольку раз, выходил также на немецком языке. Теперь имеем факсимиле первого издания. Правда, факсимильным его можно назвать лишь условно, так как текст воспроизведен в ненатуральном, значительно уменьшенном размере, затруднительном для чтения. Не уверен я и в необходимости адаптации старобелорусского текста; ее с успехом заменил бы современный белорусский язык, отсутствие перевода на который, при наличии перевода на русский, невольно воспринимаешь как еще один парадоксальный сигнал о нелучшем отношении в Белоруссии к своему родному языку.

Текст воспроизведенного «Статута» предварен высказываниями В.Н. Татищева, И.И. Лаппо, Ф.И. Леонтовича, из коих читатель может сделать вывод о том, что перед ним произведение «русского права» (с. 40). Досадно, что в этом ряду имен не нашлось места белорусским авторам, к примеру, высказыванию Максима Богдановича, не оставляющему места для разночтений о национальном характере этого уникального памятника белорусской культуры: «А это значило, что государственная жизнь Великого княжества Литовского проявляется в белорусских национальных формах. На белорусском языке творился суд, по-белорусски писались акты и грамоты, велись сношения с иностранными государствами, белорусский же язык, наконец, являлся обиходным для великого князя и его придворных» (Багдановіч

М. Збор твораў у 2-х тамах. Т. 2. Мн., 1968. С. 216).

Статут 1588 года вобрал в себя, как справедливо отметил во вступительной статье Я. Юхо, богатство правовой культуры белорусского народа и, следовательно, его развитой в прошлом государственности, многовековые традиции которой до недавнего времени, в угоду империальной системе, замалчивались, произвольно «укорачивались» или противопоставлялись современному советскому государству как плод чистейшего воображения «буржуазных националистов». Более того, отсчет самое белорусской государственности велся нередко от имен ее фактических порицателей и ниспровергателей (действия Мясникова, Кнорина, Ландера и других представителей Северо-западного областного комитета РСДРП (большевиков) против национально-государственного самоопределения Белоруссии в 1917-1918 гг.).

Так что издание памятника имеет наряду с научным немалое национально-просветительное значение. Народу с надломленным историческим самосознанием, национальным достоинством можно теперь заново вчитаться, вдумавшись, в забытые, но славные страницы своего далекого, но весьма актуально «звучащего» прошлого: «А если которому народу встыд прав своих не умети...» Наверняка и современные законодатели, всерьез озабоченные возрождением попранного правового государства, политического, культурно-языкового суверенитета страны, найдут для себя в «артикулах» Статута кое-что полезное, поучительное. Подобно тому, как некогда Ф. Скорина, Л. Сапега, другие наши мыслители-возрожденцы находили в забытой античности пищу для своих гуманистических исканий.

В самом деле, Статут 1588 года — это наша «античность», нетленная интеллектуальная классика, и воссоздание ее подвигает вперед новое Возрождение, а значит, делает честь авторам, редакторам, издателям из «Беларускай Савецкай Энцыклапедыі».

Достоинства памятника многогранны, по-своему энциклопедичны. В их числе — литературные свойства, изученные слабее других. А.И. Журавский в пояснительной статье к «Статуту» отмечает его языковое богатство и разнообразие. Но лингвистический и социолингвистический анализ языка памятника можно

и нужно дополнить эстетическим разбором, что позволило бы выявить внутреннюю связь в произведении между строго юридическими параграфами и их художественностью, деловой письменностью и литературой, способной воздействовать на разум и чувства, на воображение читателя.

На художественный колорит, «языковые прикрасы» Статута обращал внимание в XIX веке М.Ф. Владимирский-Буданов, хотя не совсем верно объяснял их влиянием средневековой латыни, недооценив (впрочем, как позднее и И.И. Лаппо) значения народно-речевой стихии, с присущей ей метафоричностью, всем образно-изобразительным ладом. К примеру: «на горячом учинку пойман»; «далеко, як кием докинути»; о «ране кровавой в голове, с которой бы кости выбирано»; «Пан Бог бывает обрушон, тако ж и покой посполитый оображон», — колоритных речений, подобных этим, в Статуте немало, и они доносят до нас, потомков, не только строгую юриспруденцию своего времени, но и живое дыхание эпохи, очеловеченной поэтической фантазией, переживаниями и страстями.

Некоторые «артикулы» памятника воспринимаешь как своеобразные литературные сюжеты, завершенные микроновеллы, где, перефразируя Д.С. Лихачева, хотя не слышны герои, зато прочитываются их речи. К числу таких новелл можно отнести текст присяги земского судьи, призванного неподкупно блюсти букву и дух закона, невзирая на лица, званья и состояния: «не фольгуючы высоким и подлым станом, на достойностях и врядех сидячих, на богатого и на вбогого, на приятеля кровного заховалого, ани на неприятеля, на тутошнего, ани на гостя не смотречи, не с приязни, не з вазни, не за посулы и дары, ани сподеваючисе напотом даров и якого нагроженья, и не радечи стороне, ани боячисе казни, помсты и погрозок, але самого Бога и его светую справедливость и право посполитое, и сумненьне свое перед очима маючи, теж роков николи не омешкиваючи, кром великое, правдивое зложное хворобы» (разд. 4, арт. 1). Столь же экспрессивен стиль присяги писаря, подкоморего. Не говорю о философских и художественных достоинствах предисловия к Статуту Льва Сапеги, явившего хороший пример ораторской публицистики.

Лексико-изобразительные свойства Статута, наряду с другими тогдашними памятниками (письмами Кмиты-Чернобыльского, «Прамовай Мялешкі» и т. д.), подтверждают вывод о наличии в старобелорусской письменности к исходу XVI в. мощной художественной струи, способной подтолкнуть появление оригинальных художественных произведений и тем самым завершить намечавшийся переход от старой к новой литературной системе, от письменности к литературе в строгом смысле этого понятия. Но в силу различных, менее всего «литературных» обстоятельств переход, как известно, не состоялся, а творческие ресурсы «золотого» века оказались на добрую пару столетий «замороженными». Однако не поддающимися, как показало Время, ни уценению, ни забвению.

Еще одна «блукаючая зорка» (метафора В.А. Калесника) белорусской культуры вновь возвращается на свою исконную национальную орбиту. Откуда заметнее и вернее всего видится не только собственно белорусское, но также литовское, украинское, великорусское, в целом общеславянское и общеевропейское значение этого крупного правового и литературного памятника.

1989 г.

БЕЛОРУССКИМ ШЛЯХОМ

Национальное возрождение в историко-литературном контексте (XIX в.)

«...как росток меж плитами тротуаров,
пробился между двумя стихиями, русской и польской,
наперекор всем... и вырос, со своим и корявым,
и глубоко по-народному, по-хлебному свежим
белорусским словом. И славы не было,
а только чувство долга».
***Янка Брыль**. Немного о вечном. М., 1983. С. 293.*

Вопрос о национальном возрождении рассматривается нами в плане историко-типологического свойства белорусской литературы. Он обусловлен извечной проблемой самоутверждения белорусской общности на специфическом геоцивилизационном пространстве между Востоком и Западом, а точнее, между двумя разнородными славянскими этносами — «православной» Россией и «католической» Польшей, в противоречивом взаимопритяжении и взаимоотталкивании, с которыми Белоруссии в протяжение многих столетий и довелось отстаивать свою этнокультурную индивидуальность, собственную субъективно-творческую роль в историческом процессе. Эта кардинальная проблема национально-духовной жизнестойкости народа была и остается в числе главных, определяющих источников и движущих факторов идейно-эстетического саморазвития белорусской литературы, культуры в целом.

Надо заметить, что национально-возрожденческая тематика до недавнего времени находилась за пределами специального внимания отечественной гуманистики. Само понятие «возрождение» в энциклопедических и других изданиях замыкалось, большей частью, на гуманистическом движении Западной Европы XIV—XVII вв., известном под названием Ренессанса (Н. Голенищев-Кутузов и др.).

Среди немногих авторов, кто расширил историко-культурный контекст рассматриваемой проблемы, русский богемист С.В. Никольский. На примере истории литературы южных и западных славян конца XVIII — XIX вв. он показал специфику национально-культурного творчества этих народов: после предшествовавших столетий угнетения и культурного упадка, снова оживлялось, активизировалось, иначе говоря, — возрождалось на пути к «центростремительному национальному синтезу»[1].

Развивая эту же тему, другой исследователь-славист И.И. Свирида изучает вопрос о национальном возрождении как особом типе культуры, со своими собственными социальными, идейными и эстетическими признаками, отличающимися от западноевропейских ренессансных процессов, а также от искусства новой эпохи Просвещения стержневой национально-патриотической функцией, основной этнодифференцирующей и этноконсолидирующей направленностью творчества. Этим, по мнению И. Свириды, объясняется и своеобразие межкультурных связей в ходе возрождения, когда формирующаяся национальная культура заинтересована не только в сближении, но и в отмежевании от других культур. Особенно в условиях противостояния инонацио-

нальному, в том числе культурному давлению — тенденции почти не известной ни Ренессансу, ни Просвещению[2].

Точки зрения обоих авторов, на наш взгляд, вполне соотносимы с соответствующим опытом народов восточнославянского ареала, в частности, белорусского, где проблема национального возрождения, после плодотворной разработки в начале 1900-х (период «Нашей Нивы»), в 20-е годы, оказалась в числе нарочито забытых. Интерес к ней оживился на волне демократических преобразований последних лет, реабилитации многих национально-духовных традиций и ценностей, исторических личностей, вульгаризированных политико-доктринальными службами «классового» социологизма.

В Белоруссии заметным обновленческим шагом явилось начатое многотомное издание исторической энциклопедии, в первом томе которой содержится понятийное определение проблемы: «Возрождение, — читаем в одноименной статье философа и литературоведа В.М. Конона, — это закономерность в историческом развитии народов и регионов, выявляемая в ускоренном движении экономических, социально-политических и культурных процессов к более высоким формам после продолжительных периодов застоя или упадка»[3]. Далее уточняются различия между двумя модификациями Возрождения. Первое —ренессансное, связанное с эпохой перехода от Средневековья к Новому времени преимущественно в странах Центральной и Западной Европы и характерная поступательным, плавным развитием. Вторая — воплощенная в периодических подъемах национального бытия и культуры в условиях историко-культурного синкретизма и кризисности. В Белоруссии, заключает В. Конон, данная цикличность носила закономерный характер и проявилась достаточно рельефно; здесь каждый очередной этап национальной культуры был обусловлен возрожденческим оживлением.

В этой же работе предпринята попытка периодизации белорусского национального Возрождения — по пяти узловым историческим вехам. Первая (XIV—XVIII вв.) — связана с формированием белорусской народности и адекватной ренессансно-гуманистической по своему характеру культуры, представленной творчеством Ф. Скорины, поэта-латиниста Н. Гусовского, С. Будного, В. Тяпинского, М. Сарбевского, Статутами Великого княжества Литовского, а также развитыми жанрами фольклора, силлабической поэзией, школьным театром, сакрально-кантовой и светской музыкой, оригинальным градостроительным искусством, портретной живописью и т. д. С этим же периодом связано и одно весьма существенное последствиями для национальной культуры и чрезвычайное обстоятельство — потеря старобелорусским языком (к исходу XVII в.) статуса государственного и перевод на польский всей административно-деловой официальной жизни общества. Отныне проблемы последующего развития белорусской культуры будут в конечном счете определяться проблемой восстановления общественного престижа, условий для беспрепятственного полнокровного функционирования родного языка.

Второй период охватывает XIX — начало XX вв. и связан со становлением новой белорусской литературы, национального театра, музыки, а также, добавим от себя, национальной политической и философской мысли, литературной критики и, главное, общественной легализацией белорусского литературного слова.

Третья «возрожденческая» волна совпадает с началом социалистического строительства (20-е годы), массовым оживлением и заметным подъемом всех сфер национальной культуры, включая творчество национальных меньшинств Беларуси — еврейского, польского, и, разумеется, всестороннем, ничуть не ограничиваемым расцветом русской культуры в республике. Но вскоре последовавшее за столь обещающим началом трагическое десятилетие (1929-1939), гонения и репрессии против белорусской сознательной интеллигенции (под видом борьбы с буржуазным национализмом) надолго обескровили и надломили культуротворческие силы народа. Белорусский язык снова вытесняется из ведущих сфер политической, научной и культурной жизни и фактически отбрасывается к бытовому этнографизму — его исконному убежищу от насмешек напыщенных цивилизаторов-иноземцев и местных русифицированных и полонизированных образованцев.

Четвертый и пятый периоды связаны, соответственно, с «оттепелью» после XX съезда КПСС (вторая половина 50-х —нача-

ло 60-х годов) и с началом обновленческого движения в СССР (конец 80-х).

Предложенную хронологическую разбивку истории белорусского возрождения можно принять как весьма условную и приблизительную. И прежде всего потому, что содержание каждого очередного периода определялось не столько появлением нового творческого качества, сколько грузом прежних нерешенных проблем, которые с точки зрения национально-духовного самовыявления и самоутверждения белорусской культуры, белорусского менталитета оставались и продолжают оставаться открытыми.

Не случайно отсюда и обостренное чувство тревоги, разочарования в среде белорусской творческой интеллигенции, мучительно переживающей тщетность всех прежних возрожденческих усилий. «Что же такое национальное возрождение? Почему мы так упорно и так безуспешно возвращаемся к нему, — вопрошала недавно не без горечи со страниц «Нёмана» ушедшая без времени критик-литературовед Тамара Чабан (1952-1992). — Но, принимая во внимание наш материальный и духовный Чернобыль, с болью и тревогой понимаем, что, пожалуй, в последний»[4]. На этом же безотрадном фоне исторических потерь и неудач можно если не принять, то, во всяком случае, понять некоторую дерзость в голосах молодых белорусских критиков, прозвучавших со страниц газеты «Наша Ніва» (Вільня,1992, № 9) под эпатирующим аншлагом «Против возрождения». Возрождение, по мнению дискутантов, все еще остается «литературным мифом», изобретением белорусских интеллектуалов — не материализованным, не укорененным ни в повседневной культурной жизни, ни в широком сознании общества. Белорусский язык, белорусскость в этой стране продолжают оставаться чем-то нарочитым, неестественным, даже маргинальным — при подавляющем господстве иноязычной культуры — как бы «сбоку припеку». Переход в Белоруссии от *этнокультуры* к культуре *национальной* продолжается.

Иными словами, возрождение в Белоруссии, начиная от «ренессансного» XVI столетия, вплоть до исхода нынешнего, XX-го, сопряжено с одной и той же центростремительной, пока не решенной задачей — национально-духовного самоопределения этого народа, с помощью и ради адекватной культуры, этический

и эстетический идеал которой почти полтысячелетием ранее лапидарно очертил просветитель-возрожденец Францишек Скорина: «абы братия мои русь, люди посполитые руского языка чтучи и слухаючи, лепей могли поразумети, что есть потребно душному спасению»[5].

Итак, — родной язык, национальная идентичность, духовное совершенство. Таковы основные, опорные точки и линии, заданные белорусской культуре на заре ее становления и на столетия вперед предопределившие путь ее развития. Путь, как оказалось, довольно сложный, труднопроходимый и поныне, к закату XX века не только не преодоленный, но во многом, судя по бесчисленным дискуссионным публикациям в современной белорусской печати, как следует и не уясненный. Осмысление белорусской идеи, белорусского исторического пути («Беларускі шлях») продолжается.

Более полному уяснению рассматриваемой нами проблемы способствует начавшееся в стране более глубокое, неусеченное перечитывание литературной классики, общественной мысли; выявление и публикация новых, ранее неизвестных письменных источников, творческих биографий забытых, полузабытых или попросту замалчиваемых имен. Увидел свет фундаментальный труд Г.В. Киселева по источниковедению белорусской литературы XIX в. — первый, в своем роде уникальный опыт обобщения накопленных архивных материалов, историко-литературоведческих публикаций о зарождении, национально-стилевом самоутверждении новой литературы Белоруссии в продолжение целого столетия, —долгое время почитавшегося «молчаливым», и теперь, благодаря исследователю, «заговорившего» новыми, доселе неслышимыми голосами[6]. Новыми фактами, наблюдениями и обобщениями о литературном процессе в Белоруссии XIX — начала XX вв. порадовали также публикации последних лет А.И. Мальдиса, Г.А. Кахановского, И.Я. Науменко, В.М. Казберука, В.И. Мархеля, В.В. Скалабана, И.И. Янушкевича, А.С. Яскевича.

Событием в историко-литературоведческой традиции в Белоруссии явился четырехтомный труд под редакцией академика В.А. Коваленко «Очерки по истории белорусско-русских литера-

турных связей» (Минск, 1993 — 1995, на белор. языке), в котором на основании сравнительно-типологического метода осмысливается многовековой путь белорусской словесности в системе взаимодействия с литературой, духовной культурой русского народа — на контактном и, особенно, поэтологическом уровнях.

Появились также специальные исследования о белорусской национальной идее, национальном самосознании и возрождении как стержневых проблемах культуротворческого процесса[7]. Эта же тематика широко отражена в материалах международных научных конференций, проведенных Научно-просветительским центром им. Ф. Скорины и Международным комитетом белорусистов[8].

Нельзя, наконец, не вспомнить о таком знаменательном факте, как возвращение в духовный обиход республики культуротворческих наработок белорусского зарубежья — ценных, кроме всего прочего, своим пристальным вниманием к национально-возрожденческой идее[9].

Усиление, а точнее возвращение к национальному началу в общественной и научно-исследовательской практике, характерное, впрочем, не для одной Белоруссии, но для всего пространства бывшего СССР, позволяет по-новому или, по крайней мере, более органично подойти к рассмотрению историко-литературного процесса, движимого в каждом конкретном случае национальными интересами и побуждениями народа. Именно из этой укорененности творчества в отечественную почву и прорастает дерево общечеловеческой культуры, родовую и видовую суть которой весьма убедительно обосновал в свое время русский мыслитель-богослов С.Н. Булгаков. Указывая на явную эфемерность и символическую условность отвлеченных понятий «человечество», «человек вообще», ученый подчеркнул: «Существует в действительности конкретный человек, индивид, он родился в определенной семье, в определенном племени, нации, причем в каждую из этих более широких группировок он вступает лишь через посредство своей непосредственной конкретности, не уничтожая ее, но лишь в известном смысле перерастая». И далее, самое главное: «Абстрактных, космополитических всечеловеков, из которых состоит абстрактное же всечеловечество, вообще не существует; в действительности оно слагается из наций... Стоит только переложить абстрактный язык науки на конкретный язык действительности, как вся проблема о соотношении общечеловеческого и национального или индивидуального получает полную перестановку и проблематичным становится уже не существование национального рядом с общечеловеческим, как прежде, но, наоборот, возможность общечеловеческого в национальном, всеобщего в конкретном»[10].

Подобная, назовем ее нациоцентристской, методологическая установка взята нами на вооружение при осмыслении заявленной в заголовке проблемы.

В рассматриваемый период молодой белорусской словесности, возрождаемой в условиях легального и полулегального, чаще рукописного бытования, удается сорвать искусственный и гнетущий покров безвестности с имени своего притесняемого и унижаемого народа, в интересах и на защиту которого выступили первые писатели-возрожденцы. Были открыты и частью приведены в действие немалые художественные, особенно фольклорные ресурсы, оживлены почти было забытые культурные традиции прежних веков и, пожалуй самое важное, поставлен вопрос о историко-культурной полноценности белорусов, правомерности их национально-гражданской «прописки» в семье европейских народов.

Значимость всего сделанного усиливается тем обстоятельством, что весь этот нелегкий труд, а точнее, подвиг свершили не столько писатели-профессионалы, сколько общественники-подвижники, для которых понятия народности, патриотизма, гражданственности в равной степени означали и художественную ориентацию и, еще чаще, нелегкий жизненный выбор. А за выбором, как правило, следовала суровая плата или расплата: пожизненная рекрутчина (П. Багрим, Ф. Савич) или каторга, длительная ссылка (А. Незабытовский, Я. Чечот, Р. Друцкий-Подберезский, А. Вериго-Даревский), политическая эмиграция (А. Рыпинский, Ю. Лясковский), наконец, висельница (К. Калиновский).

В лоне этой литературы к исходу XIX века вызреет и прозвучит обращенная к народу основная будительная мысль, ставшая идейным кредо национально-возрожденческого движения: «Не

пакідайце мовы нашай беларускай, каб ня ўмёрлі!» В этом завещательном призыве Богушевича (взят в качестве программного девиза Обществом белорусского языка, образовавшимся в Минске в 1989 г.) отразились не только извечная белорусская тревога за судьбу родного слова, но так же и его художественно-нравственные достоинства, неодолимое жизнелюбие, творческая сопротивляемость, перечеркнувшие высокомерные предрекания ему «умереть в архивах» (Ф. Булгарин), на которые не скупились сановитые чиновники от литературы и науки.

При упоминании о достоинствах языка, даже в «глухом» XIX веке, сверкнувшем подобно бриллианту не одной поэтической находкой, сразу воскрешается в памяти поэма «Тарас на Парнасе» (ок. 1855), целое столетие числившаяся в анонимных, пока наш современник Г.В. Киселев, неутомимый путешественник-открыватель на ниве белорусских литературных загадок, не установил, не вычислил в прямом смысле слова автора этого удивительного шедевра. Им оказался крестьянский, из крепостных, вольноотпущенник, выпускник Горецкого (Могилевской губернии) сельскохозяйственного института, позднее преподаватель учительской семинарии, Константин Васильевич Вереницын (1834-1903), автор, как выяснилось, еще одной «анонимной» поэмы «Два черта» — сатирической пародии на бытовое пьянство.

В безвестной судьбе Вереницына, в сущности поэта-классика, отразилось, как и в «анонимных» судьбах многих других его современников по перу и последователей, специфическая черта, эдакая «дурная» закономерность зарождавшейся литературы: вынужденная анонимность, своеобразная подпольность, которая суживала и сдерживала источники и границы ее саморазвития и распространения, ощутимо обедняла и осложняла полноту, функциональность литературно-общественного фона (периодика, издательства, имена, литературная критика, полемика, читательское мнение и т.д. и т.п.) — одно из важнейших условий полнокровного творческого процесса.

Для уяснения главных линий Возрождения воспользуемся параллелью из украинской возрожденческой традиции, в которой канадский славист П. Магочи выделяет три узловых этапа:

1) этап собирания культурного наследия, 2) организационный этап (возникновение культурно-общественных объединений, музеев, учебных заведений и т.п.), 3) политический этап (создание политических партий, объединений и т.д.). Все эти «этапные» линии достаточно отчетливо прослеживаются и в белорусском ареале, разве что с менее ощутимой в XIX веке динамикой, интенсивностью, с результатами не столь заметными. К примеру, в Белоруссии-Литве, после закрытия царскими властями «мятежного» Виленского университета, в отместку за участие преподавателей и студентов в восстании 1830-1831 гг., отсутствовали свои высшие учебные заведения, не оформилась и своя национально-просветительная организация, наподобие украинской «Просвіти» или «Матицы» чешской, сербской, не говоря уже о национальной периодике, издательствах, —неоднократные попытки белорусской общественности в данном направлении пресекались царской администрацией на корню. Не имела Беларусь и своего легального творческого «тыла», каким для украинского Возрождения служила «русинская» Галиция, пользовавшаяся в рамках Австро-Венгерской конституционной монархии определенными национально-культурными правами.

Три вышеназванные проблемно-этапные направления можно объединить одним связующим моментом. Это — фактор национального самопознания и самосознания, позволяющий полнее и адекватнее проследить эволюцию возрожденческого процесса, наиболее характерные черты молодой литературы. Именно мотив национальной идентификации — своеобразный оборонительный рефлекс перед ассимиляторским нажимом — с самого начала становится одним из важных побудительных мотивов творчества. Не менее интересно было бы вникнуть в историю и логику становления национальной саморефлексии, ее философского и художественного усложнения, начиная с первоначальных, чаще подсознательных форм местного (регионального) патриотизма и заканчивая четко выраженными, национально-белорусскими акцентами, антитезой прозвучавшими по отношению господствовавших в крае польской и русской патриотических традиций.

Ксендз Адам Станкевич (1892-1949), видный исследователь истории религии, культуры, политической мысли Беларуси ка-

сательно упомянутой эволюции высказал в свое время одно принципиальное замечание, касающееся первых носителей белорусской возрожденческой идеи — зачинателей новой литературы: «Показательно, что полный упадок белорусского народа произошел в начале XVII столетия, с переходом просвещенных шляхетских классов в польскость, равно как и возрождение пришло с возвращением к народу людей из тех же шляхетских сословий, однако уже обедневших и к низам приближенных»[11].

Предложенный Станкевичем «хронологический» отсчет в национальном прозрении верхов, иначе — возвращение «блудных сыновей» в лоно отечественной культуры, после затяжного батрачества по иноземным языкам и культурам, не совсем точен; он начат с явным временным смещением, от восстания 1863 г. во главе с К. Калиновским. Между тем, вызревание первых проявлений белорусской идеи наметилось намного раньше, —например, в безымянном стихотворении «Песнь белорусских жолнеров» (вторая половина 90-х годов XVIII в.) —пафосно-патриотическом отклике на освободительное восстание Т. Костюшко; в деятельности тайных студенческих обществ в Виленском университете филоматов и филаретов; в историко-мифологизированных, романтических повествованиях Я. Барщевского (сборник «Шляхтич Завальня, или Беларусь в фантастических рассказах», Спб., 1844-1846. Т. 1-4), польскоязычная форма которых не заслонила в них самобытности, художественной изысканности, эмоциональной приподнятости белорусского содержания, справедливо подчеркнутого современной и последующей критикой (Р. Подберезский, М. Грабовский, Н. Хаустович и др.[12]); в публикации о белорусском языке («Маяк», 1843, т. IX, кн. XVII) учителя-словесника из Полоцка И.П. Цытовича, — кажется первым, кроме прочего, однозначно связавшим имя Ф. Скорины, всю старобелорусскую письменность с возрождением новой литературы. Не говоря уже о Дунине-Марцинкевиче, в чьих творениях да и во всем ладе жизни национально-белорусская идея заструилась и засверкала стремительным, неудержимым ключом.

Но А. Станкевич прав в определении основной социально-культурной силы белорусского Возрождения — в лице представителей мелкопоместной и однодворной шляхты, низового униатского, частью католического духовенства (мы дополнили бы этот список и некоторыми фигурами из православной среды) — сословий по своему экономическому и общественному положению наиболее близких народным низам, народной языковой и культурной стихии.

Однако, наиболее системное, целостное изложение рассматриваемой проблемы впервые сделано М. Богдановичем в глубоком историко-литературоведческом очерке «Белорусское Возрождение», напечатанном в московском журнале «Украинская жизнь» (1915), незадолго до преждевременной кончины этого незаурядного художника слова и мыслителя. Заметим, что к этому времени в русле оживившегося белорусского движения после революции 1905-1907 годов уже имелся определенный опыт осмысления культурного развития Беларуси, с точки зрения историко-восходящей, «возрожденческой» линии. Специальное внимание данному вопросу уделили белорусские авторы на страницах «Нашей Нивы», альманаха «Маладая Беларусь» (1912 - 1913), сборника «Велікодная пісанка» (1914), своими выступлениями в зарубежной печати. Особую роль сыграли лингво-филологические изыскания будущего академика Е.Ф. Карского, в частности, его фундаментальный многотомный труд «Белорусы» (1903-1922), содержавший обстоятельный анализ богатейшего корпуса памятников старобелорусской письменности и произведений новой словесности (хотя в методологическом плане работы Карского требуют к себе критического отношения, поскольку базировались на идее общерусского централизма, а белорусская литература в них рассматривалась как региональная «западнорусская» разновидность российской). Следует, наконец, упомянуть о публикациях русских (А.Н. Пыпин, А.Л. Погодин), украинских (Д. Дорошенко, С. Русова, И. Свентицкий), польских (В. Вегнярович, В. Барановский, Л. Василевский, С. Руднянский, Т. Грабовский), чешских (А. Черный) авторов, перечень которых сам по себе внушителен, а главное, для своего времени весьма репрезентативен в плане общего ознакомления и в известном смысле международного признания белорусской культуры и литературы как феномена национально-духовного Возрождения.

Изучив и качественно обогатив накопленные предшествен-

никами и современниками знания, Богданович придал белорусской возрожденческой мысли четкий обобщенный характер, историко-логическую завершенность. Именно им многовековой путь национальной литературы, всей культуры диалектически осмыслен и обоснован как путь Возрождения — от памятников периода восточнославянской («древнерусской») культурно-языковой общности, ренессансно-гуманистической эпохи старобелорусской письменности вплоть до начала XX столетия, то есть до национально-возрожденческой эпохи, запечатлевшейся в белорусской истории под названием «нашенивской», сообразно огромному значению и вкладу одной из первых легальных белорусских газет «Наша Ніва» (1906-1915) в деле становления, консолидации литературных и в целом культуротворческих сил, в формировании национальной идеи как проблемы собственного пути («беларускага шляху») на непростом, чаще драматическом перепутьи между Востоком и Западом.

Он же, автор «Вянка», закрепляет в отечественной, научной и публицистической практике категорию «белорусское возрождение» в качестве воплощенной историко-культурной закономерности, одного из типологических, саморазвивающихся свойств национальной культуры, ее внутренней способности к восстановлению и восполнению прерванных или забытых традиций и ценностей. Принципиальный вывод М. Богдановича гласил: литература Беларуси «никогда не замирала окончательно... Линия ее жизни представляется непрерывной»[13].

Таким образом, объективный, внешне, возможно, не всегда улавливаемый процесс историко-литературной и языковой преемственности, генетической связи между ренессансно-гуманистическим Возрождением в Беларуси-Литве (Великое княжество Литовское) в эпоху Ф. Скорины и белорусским национально-культурным Возрождением эпохи Ф. Богушевича, Янки Купалы, Якуба Коласа (и, заметим от себя, самого Богдановича) нашел в рассмотренной выше и в других работах М. Богдановича четкое теоретическое обоснование. Вопрос о белорусском возрождении в узловых историко-логических линиях был выяснен еще в начале XX века, хотя и многие десятилетия спустя в некоторых зарубежных публикациях отсчет белорусской литературы будет на-

чинаться только со второй половины XIX века. Но справедливости ради нельзя не отметить заслуг ряда зарубежных белорусоведов — Б. Бялокозовича, А. Бергман, Ф. Селицкого, Е. Томашевского, С. Яновича, Ю. Туронка, А. Барщевского (Польша), В. Жидлицкого (Чехия), А. Мак-Миллина (Великобритания), Т. Бэрда (США), многочисленных изданий белорусской эмиграции на Западе, создавших общими усилиями достаточно панорамную и убедительную картину белорусской литературы с учетом ее фактического многовекового «стажа».

Возвращаясь же к М. Богдановичу, надо сказать, что он в числе первых указал на исторический водораздел, «твердую разграничительную линию» между старой и новой эпохами в развитии белорусской словесности, выделив два существенных момента, сказавшихся на характере возрожденческого процесса конца XVIII — начала XIX вв. Первый — это присоединение Беларуси к России и последовавшая за тем нивелировка, «подгонка под общерусский ранжир» присоединенных земель; второй —пробуждение, постепенная кристаллизация в белорусском обществе, в противовес усилению русификации и продолжавшейся по инерции полонизации, собственной национально-патриотической идеи.

Провозвестниками данной идеи выступили местные, так называемые краевые, из числа ополяченной шляхты интеллигенты, создатели «краевой» литературы — Я. Барщевский, Я. Чечот, А. Рыпинский, В. Сырокомля, В. Дунин-Марцинкевич, В. Коротынский, А. Вериго-Даревский и другие. Но первым в ряду писателей-«краевцев» назван Адам Мицкевич; всемирная слава гения польской культуры не заслонила, тем не менее, от проницательного взора Богдановича ту народно-белорусскую почву, тот духовный «космос», вне которого немыслим был творческий взлет автора «Пана Тадеуша», что, впрочем, и запечатлел он с проникновенной признательностью в первой же строке своей поэтической эпопеи: «Отчизна милая, Литва! Ты как здоровье...» (перевод С. Мар (Аксеновой)[14].

Вообще «краевость» как некое эмбриональное состояние зарождающейся, точнее возрождающейся литературы, заслуживало бы специального рассмотрения. В данном понятии, как и в

случае с «западнорусизмом», причудливо преломилась известная ущербность белорусской культуры, белорусского менталитета, как раз на том историческом, довольно протяженном отрезке, когда и сама культура, и менталитет, вытесняемые и разрушаемые воцарившейся иноземщиной, почти лишаются своей белорусской идентификации, превращаясь в провинциальную, периферийную («край», т.е. «часть» относительно целого, центра), не всегда полноценную разновидность господствующей культуры. Отсюда проистекала и внутренняя раздвоенность, национальная условность, если не призрачность в творчестве писателей-«краевцев». Их патриотизм, заметил по этому поводу А.Н. Пыпин, был «белорусский», но сущность оставалась польской. «Он был белорусский по любви к территориальной родине и ее пейзажной и бытовой обстановке, но вся жизнь самого белорусского народа понималась с чисто польской точки зрения: этот народ играл только служебную роль; его бытовое содержание, его поэзия не могли ожидать какого-нибудь собственного самостоятельного развития и должны были только послужить к обогащению польской литературы и поэзии, как самый народ должен был питать польскую национальность, в которой он считался»[15].

И хотя замечание Пыпина не лишено некоторой категоричности (все же «польская» сущность не вполне и не сплошь оставалась польской: в ней прорастал, упрямо пробиваясь к свету, белорусский «росток»), но оно показательно для понимания одного из главных противоречий и линий движения молодой литературы: противоречия между национально-духовной почвой, первоосновой творчества и инонациональной формой (язык, но не только) ее выявления; движение от инокультурной периферийности, «окраинности» к собственному национальному средоточию, к белорусскому творческому синтезу.

В данной связи следовало бы уточнить и утверждение современного польского литературоведа Т. Позняка (статья «Поляки в белорусском литературно-культурном возрождении») о том, что «двудомные» польско-белорусские писатели оставались «сперва все же польскими, прежде всего польскими, независимо от этнического происхождения»[16]. Все же на деле реальная жизненная и творческая эволюция показывает, что «польскость» многих из них, скорее внешняя, привнесенная, испытывала на себе воздействие глубинных тектонических толчков их родовой, белорусской национальности. Факт обращения к творчеству на белорусском языке уже сам по себе означал — поначалу полустихийно, затем все более сознательно — определенный вызов, стремление преодолеть эту «польскость», на уровне как мировоззренческом, так и литературно-художественном. Эта внутренняя оппозиция «краевости» (= «литвинскости», «белорусскости») относительно «польщизны» весьма ощутима у авторов не только белорусских произведений, но даже у тех, кто выражал свой «краевый» патриотизм исключительно на польском языке (напр., Т. Лада-Заблоцкий, Ю. Лясковский и др.). Преодоление упомянутой «польскости» протекало медленно (в продолжение всего XIX— начала XX в., в нескольких поколениях), но необратимо. Данный процесс завершается с однозначной выразительностью в творчестве Янки Купалы и драматурга Францишка Аляхновича, начавших свои первые опыты по-польски, но вскоре, под воздействием уже возродившейся белорусской литературы, решительно и бесповоротно повернувших в лоно собственной национальной культуры. Поэтому более корректной нам представляется постановка вопроса не о *поляках*, но о *польской традиции*, *польской культуре* в белорусском возрождении.

В свете выше сказанного становится понятной эволюция во взглядах А. Рыпинского (1811-1900), одного из заметных представителей краевого направления, называемого еще «польской школой» в белорусской литературе. Свой поэтический сборник «Беларусь» (Париж, 1840) писатель-эмигрант предварил весьма оригинальным посвящением: «Первому из поселян белорусских, который сперва читать, а затем говорить и думать по-польски научится»[17]. И тот же Рыпинский много лет спустя, уже возвратившись на родину и почти целиком отдавшись занятиям родной словесностью (составлял рукописную хрестоматию, собирал материалы к написанию истории белорусской литературы), в письме к своему коллеге по перу А. Плугу (1883) поделится сокровенным сомнением: «...Может напрасно мы, уроженцы Руси, тянемся к этой несчастной Польше»[18]. Впрочем, и процитированное выше посвящение, возможно, отражало в себе не столько этно-

культурный, сколько политический выбор писателя, характерный для других его собратьев по творчеству и связанный с отмежеванием от притеснительницы-России (Москвы) в пользу притесненной Польши, в то время общей «политической» родины поляков и белорусов. Косвенно об этом можно судить по высказыванию автора того же сборника о белорусском языке, связанном де, «с Польшей сильнее, нежели с Москвой»[19], хотя язык белорусов по своим родовым лингвистическим свойствам восточнославянской языковой группы конечно же более близок русскому, нежели польскому.

Иными словами, «польская» направленность писателей-«краевцев» вовсе не перечеркивала, но лишь по-своему легитимировала в их творчестве белорусскую или «литовскую» идентичность (оба этнонима «белорус» и «литвин» в XIX веке употребляются как равнозначные), фиксировала все же ту «духовную границу», на которую при анализе поэзии В. Сырокомли, известного «певца Литвы», указал в своем исследовании польский философ и литературовед М. Здеховский[20].

Нацеленность на историко-культурное обоснование этой границы, которая сближает, но в то же время и ограничивает белорусов от их соседей поляков (в другом случае — русских) и составляет, пожалуй, главное в творчестве зачинателей новой литературы. Она постепенно обретает свойства, адекватные понятию национальной литературы по мере того, как наряду с фольклорно-собирательными, описательными функциями, поначалу преобладающими, усиливается ее собственная культуротворческая, профессиональная роль, пополняется ее художественно-изобразительный арсенал — с литературными героями, типами, жанрами и т. д.

Процесс национально-литературного самосознания поначалу более заметно проявился, как упоминалось, в среде польской и католической культурно-конфессиональной ориентации. С ней же связано и зарождение, во времена Виленского университета (20-е годы XIX в.), научного белорусоведения на базе фольклорно-этнографических изысканий, изучение памятников старобелорусской письменности и т. д. (З. Доленга-Ходаковский, М. Бобровский, И. Данилович, И. Онацевич и др.).

Факты возрожденческого белорусско-польского контекста, уже более или менее известные, следует дополнить еще одним источником, выявленном нами в фондах национальной библиотеки в Варшаве и связанном с деятельностью в эмиграции (Париж, начало 30-х годов) «Общества Литвы и русских земель» («Towarzystwo Litewskie i ziem ruskich»). Участники общества —среди них А. Мицкевич, Ю. Словацкий, И. Лелевель, И. Домейко, А. Ходько, А. Рыпинский, — в основном выходцы из Литвы-Беларуси, также земель правобережной Украины, ставят на своих заседаниях вопрос о собирании и изучении исторических памятников края, «национального характера» своего народа[21]. Практические результаты этой настроенности на духовно-культурное укоренение в родную почву позднее найдут отражение в парижских лекциях Мицкевича о славянских литературах, в одной из них французским слушателям сообщат о достоинствах белорусского языка; в фольклорно-поэтическом сборнике Рыпинского с примечательным названием «Беларусь».

Но отток белорусских творческих сил, как известно, происходило не только в польском, а также и русском направлении, отрицательно сказываясь на духовно-культурном потенциале белорусского этноса[22]. В свою очередь и возвратные культуротворческие импульсы в белорусском возрождении имели двусторонний характер. На белорусско-русском культурном пограничье к середине XIX в. также намечается возрожденческая тенденция, проявившаяся в повышенном интересе к систематизации, изучению отечественных древностей, осмыслению историко-культурной самобытности народа, в попытках составления словаря белорусского языка и т. д. (археографические изыскания И. Григоровича, краеведческие очерки П. Шпилевского, лексикографические опыты Ф. Шимкевича, С. Микуцкого, П. Шпилевского и, особенно, И. Носовича, позднее издавшего первый фундаментальный «Словарь белорусского наречия», Спб., 1870).

Заметный, но потомками по-должному не оцененный след в «русской» ветви белорусского возрождения оставил по себе известный славист, украинец по происхождению И.Н. Лобойко[23], профессор Виленского университета, затем Медико-хирургической и Духовной римско-католической академии в Вильне. В под-

готовленном им «Курсе истории российской словесности» (1833 г., в рукописи) впервые самостоятельным разделом выделена белорусская словесность, введено понятие «белорусского книжного языка», обращено внимание на уникальность поэтического наследия Ф. Скорины, давшего «первые опыты российского стихосложения»[24]. Не менее был внимателен Лобойко и к новым литературным опытам на белорусском языке, о чем говорят сохранившиеся в архиве ученого два художественных текста неизвестных авторов — «Кінуўшы, рынуўшы паўстаньне...» (поэтический отклик на восстание 1830 г.), вариант, отличающийся от опубликованного в «Хрэстаматыі беларускай літаратуры» (2-е изд., Мн., 1988), и второе, поныне неизвестное читателям, стихотворение «Вясна» (автограф, писанный белорусской латиницей). Это, кажется, первый опыт белорусской пейзажной лирики, примечательный, кроме прочего, легким, почти безупречным ритмическим строем и свидетельствующий о качественных сдвигах в области национальной версификации, связанных с преодолением инерции прежнего силлабизма и переходом к новой системе силлабо-тонического и тонического стиха[25].

К середине XIX века процесс литературного самоопределения белорусского слова, а с ним и эволюция национального самосознания от эмбриональной «краевости» к народности, белорусскости, обозначился довольно отчетливо. В это время выходит на творческую арену В. Дунин-Марцинкевич (1807-1884), первый писатель-профессионал, для которого деятельность, точнее подвижничество на ниве возрождаемой белорусской словесности стало смыслом жизни. Он — автор первых в этом столетии печатных белорусских книг: музыкально-драматической оперы «Идилия» (Минск, 1846), поставленной вместе с композитором С. Монюшко на сцене минского дворянского собрания и положившей начало белорусскому национальному театру; стихотворной повести «Гапон» (1855), многих поэтических и драматических произведений, частично напечатанных при жизни в польскоязычных сборниках писателя, но в большинстве оставшихся в рукописях. В рукописи осталось и вершинное творение писателя-драматурга — комедия «Пінская шляхта» (1866, напечатана лишь в 1918 г.), написанная в жанре фарса-водевиля и мастерски высмеявшая казенную заформализованность, взяточничество и вымогательство местного чиновничества (становой пристав Крючков), а также замшелую в сословной гордыне застенковую шляхту (Тюхай-Липский, Протосовицкий).

Марцинкевич смело и широко распахнул страницы своих творений перед белорусской народно-песенной и языковой стихией, придав ей отточенные литературные формы, профессионально-литературный блеск. В лирике, поэмах, пьесах писателя впервые представлен живой собирательный тип белоруса в самых различных ипостасях — крестьянина и шляхтича, чиновника и городского разночинца; в мягких, трогательных тонах явлена неброская и притягательная природа Беларуси, словно заново воскрешено, романтически опоэтизировано ее героическое прошлое («Люцинка или шведы в Литве»).

Для стилевой манеры В. Дунина-Марцинкевича характерна некоторая двойственность, «стилевая смещенность», естественная на начальном этапе становления литературного процесса. Здесь переплетаются различные художественные ориентации: бурлескно-комическая, восходящая к старой литературе, к традициям белорусского барокко XVI — XVII вв., и фольклорно-романтическая, наметившаяся в начале XIX в., примечательная возвышенным вниманием к различным формам устного поэтического творчества — к народным песням, легендам, сказаниям, балладам. Известная раздвоенность отразилась и на языке художника, сочетавшего в своем творчестве белорусский и польский. Но при этом следует сделать одну оговорку. Во времена Марцинкевича польский язык на Беларуси бытовал не только в литературе. Был он родной, от колыбели, разговорной речью едва ли не всей белорусской шляхты — довольно многочисленной социальной категории (около 10 проц. всего населения). Этим же языком, разбавленным значительной примесью белорусизмов, пользовалась и определенная часть крестьянства католического или униатского вероисповедания, поскольку в конфессиональной практике преобладала полышчизна; не без влияния также оставалось и повседневное общение селян со своей «элитой», хотя та, в свою очередь, в бытовой практике естественно прибегала к живой белорусской речи[26].

Словом, и польскоязычные произведения Марцинкевича, в основе своей созданные на местном сюжетном материале, насыщенные той же фольклорной, нередко и речевой фактурой, согретые душевным и духовным теплом и светом родной земли, — они не есть нечто отстраненное от белорусской культуры. Напротив, это ее органическая, хотя и своеобразная часть, менее доступная из-за языкового барьера широкому читателю.

В целом же на Дунине-Марцинкевиче почти завершается начальный, «пограничный» этап в развитии новой белорусской литературы, связанный с преобладанием в ней польского языка или польско-белорусского двуязычия, а в художественном отношении —этнографизма. Начинается самостоятельная литература, содержанием, формой и языком прежде всего —национально-белорусская. Эту новаторскую роль автора «Гапона» и «Пинской шляхты» по достоинству оценил один из первых его критиков В. Сырокомля, подчеркнувший: «Марцинкевич первый взял в сознательные руки белорусскую дуду нашего народа, добыл из нее песню, которую народ понял, а людское эхо подхватило»[27].

Вслед и параллельно Марцинкевичу на путь национально-белорусского творчества встают многие другие литераторы-краевцы. Особое место среди них занимает А. Вериго-Даревский (1816-1884); «белорусский шляхтич» (так он отрекомендовывался в одном из писем) из-под Витебска, составитель уникального рукописного «Альбома» (1858), своеобразной литературной хрестоматии, объединившей под одной обложкой поэтические автографы ряда местных белорусских и польских авторов: В. Коротынского, Я.-П. Вуля, А. Здановича, Л. Гадлевского, Сырокомли, А. Киркора, И. Ходзько, А. Одинца, Ф. Чепелинского и других. Среди прочих оказался в альбоме и автограф-посвящение его составителю уже упоминавшегося А. Рыпинского, на сей раз не оставившего разночтений по части «белорусскости» сделанного им выбора:

Прымі песіньку маю!
Можа, ета ня песьнь? Каша!?
Да усё ж дык свая — наша!!!

В подчеркивании «нашего», то есть собственно белорусского

начала, красноречиво отразилась эволюция национально-патриотического мировидения не только Рыпинского, но многих его коллег по перу, «двудомных» белорусско-польских писателей, взявших творческий курс в направлении родного берега. И фигурой наиболее заметной на этом фоне, последовательной в своих действиях был Вериго-Даревский —автор ряда белорусских рассказов, краеведческих очерков, драматических и комедийных произведений, перевода поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод», снискавшего за свое подвижническое радение на ниве возрожденчества лестную характеристику «Белорусского Дударя», «искреннего белорусина». Для Даревского, как и Марцинкевича, служение белоруссике стало высшей жизненной целью, о чем он и сообщал в письме к А. Киркору от 13 октября 1862 года: «С Белорусчиной не свел счеты. Это мой идеал. Возможно, напрасно на нее трачусь. Что же делать — «По Хомке — шапка»[28].

Увы, сомнения Даревского о «тщетности» предпринятых занятий оказались небезосновательными. Разразившееся вскоре восстание 1863 года перечеркнуло творческую судьбу писателя — за причастность к повстанцам он был сослан в Сибирь; кануло в небытие и его литературное, в рукописях, наследие.

Наметившееся в крае к середине XIX в. оживление литературной жизни означало, по словам Г.В. Киселева, «первую волну белорусского национального возрождения»[29]. Высшего подъема эта волна достигла в восстании 1863 г., возглавлявшемся Кастусем Калиновским (1838-1864), мыслителем, публицистом и поэтом, издателем и редактором (вместе с В. Врублевским, известным позже генералом Парижской Коммуны, и Ф. Рожанским) подпольной газеты «Мужыцкая праўда». Деятельность Калиновского стала началом соединения культурного просветительства с политическим движением, которое идейно и организационно еще связано с польским, но уже заявляет о своих собственных целях, определяет свою национальную идею. Суть идеи — в остром противостоянии иноземному имперскому насилию, в борьбе за свободную и независимую Литву-Беларусь, связанную демократическим федеративным союзом с Польшей и Россией.

Новое идейно-теоретическое и политическое качество белорусское возрождение приобретает на склоне XIX в., в творчестве

студенческой народнической группы «Гомон» (1884), изложившей свои взгляды на страницах нелегально издаваемого одноименного журнала. Гомоновцы осмыслили закономерный характер развития и трудности национальной консолидации белорусского этноса, подчеркнули его историческую жизнестойкость при постоянной опасности растворения «в великорусском или польском море», существенно развили и обогатили намеченную Калиновским идею «федеративной самостоятельности Беларуси» на основе «свободного соглашения» с другими народами демократизированной России[30]. Солидаризируясь в своих действиях с партией «Народная воля», белорусские народники в то же время сочли необходимым предостеречь своих русских коллег от искушения централистским революционаризмом, недопониманием и узкой трактовкой национального вопроса, в частности белорусского.

Итоговое завершение возрожденческая идея находит в творчестве Ф. Богушевича (1840-1900). В своем предисловии к сборнику «Дудка беларуская» писатель изложил концептуальный взгляд на историю народа, указал на преемственность государственных и культурных традиций Великого княжества Литовского с нынешними стремлениями соотечественников освободить свою «зямліцу-Беларусь» от социального, политического, религиозного гнета, культурного упадка и прежде всего возродить, обеспечив должный общественный престиж родному языку, основному духотворческому фактору нации.

С тех же патриотических позиций Богушевич дает художественную трактовку (стихотворения «Хрэсьбіны Мацюка», «Свая зямля») острейшей проблемы расщепленности белорусского самосознания, обусловленной отчуждением церкви от национальных корней народа, чрезмерной политизацией религиозных отношений в Беларуси, насильственным упразднением царскими властями Унии и принудительным обращением в православие бывших греко-католиков, многие из которых вынуждены были искать убежище в католической, «польской» церкви, не без потерь для своей национальной идентичности.

Именно национально-освободительным пафосом творчества Богушевича, «духовного отца белорусского возрождения» (М. Гарецкий), значение которого долгое время ограничивалось и упрощалось социально-экономическими, «крестьянскими» критериями, определена историческая значимость его вклада в литературу XIX века и, еще больше, идейного воздействия на возрожденческое движение в Беларуси в последующие десятилетия.

Богушевичу мы обязаны и первыми образцами белорусской повествовательной прозы («Тралялёначка»), перекликающейся — тематически и стилистически — с традицией народно-бытового рассказа и в то же время уровнем художественного обобщения, образно-языковой выразительности выдававшей в авторе мастера-профессионала. К сожалению, не увидел свет его сборник «Белорусские рассказы», запрещенный к печатанию царской цензурой и, подобно многим произведениям белорусских авторов того времени, затерявшийся в охранительных ведомствах.

Творчество Богушевича, а также его современников В. Савича-Заблоцкого, Я. Лучины, О. Обуховича, А. Гуриновича, Ф. Топчевского, К. Каганца, собирателя литературных памятников Б. Эпимаха-Шипилы (составителя уникальной рукописной хрестоматии «Беларуская літаратура», 1899) отразило и подытожило еще один знаменательный факт возрожденческого процесса: кристаллизацию белорусского литературного самосознания. Во многом благодаря данному обстоятельству, новая белорусская литература к исходу XIX столетия преодолевает, в основном, прежнюю этнокультурную раздвоенность, языковую «двудомность», оформляясь в самостоятельную, разножанровую (поэзия, драма, публицистика, малые прозаические формы) творческую систему, адекватную самоназванию, историческим и духовным интересам народа ею представляемого.

В это же время белорусское слово начинает примерять свои изобразительные способности к шедеврам мировой художественной классики, о чем свидетельствовали переводы О. Обуховича, в совершенстве владевшего основными европейскими языками, ряда произведений Пушкина, Гёте, Байрона.

В общественно-литературных кругах исподволь вызревает идея собственного белорусского пути, обретения их страной четкого национального облика, политического и духовного суверенитета —когда Беларусь «перестанет быть яблоком раздора и

лакомым куском для соседей.., сама устроится»[31]. Этот же мотив патриотического самоутверждения, прозвучавший со страниц народовольческого «Гомона», отчетливо прослушиваем в публицистике, частной переписке других авторов.

Весьма интересны в данном отношении извлеченные недавно из украинских архивов и опубликованные письма белорусского поэта и публициста В. Савича-Заблоцкого, посланные им из Парижа (1886) в Женеву М.П. Драгоманову. Это один из немногих, дошедших до нас, эпистолярных источников на белорусском языке, примечательный и высоким национальным самосознанием и не меньшим сопереживанием автором судьбы родственных славянских народов:

«Не смущайся, пане Драгоманов, что пишу, совсем незнакомый, и пишу своей, наверняка Тебе неизвестной белорусской мовой[32]. Пусть она не столь богата и стройна, как Твоя, слуху весьма приятная, народолюбцами Твоими старательно выделанная, —украинская, да все же, Твоей сродни». Здесь же, несколькими строчками ниже, высказан однозначный взгляд на историческое своеобразие и призвание белорусов: «А народ этот свою имеет мысль; не лях он, да и не москаль, он — межа среди них», но эта межа, в представлении Савича-Заблоцкого, имеет не столько разграничительный, сколько объединяющий смысл: «Мы — русские, русины, как нас называют, и Московщине братья, и Польше не чужаки, — из одного с нею гнезда выросли, долго с этой Польшей и плохие, и хорошие времена делили... Потому назначение наше —дело благородное совершить: Польшу от гибели уберечь, Московию подкрепить! ...И в этом мне призвание наше, бело- и малорусское видится»[33].

Глубоко солидарен белорусский автор с украинским национальным возрождением, когда в другом письме трогательно благодарит Драгоманова за присланные им в Париж произведения Т. Шевченко, П. Мирного, украинского мелоса: «Надо ли говорить, что мне, белорусу, все малорусство ваше — дело родное»[34].

Искренние сторонники историко-культурного родства и добрососедства Белоруссии с Россией и Польшей — белорусские возрожденцы в то же время не могли, не желали мириться с русификацией края, пришедшей на смену полонизации, с духовным

оболваниванием сородичей, сковывавшим, обрекая их на безмолвие, национальные творческие силы. Понятно, что и эта, не вполне может быть поэтическая тема, которой надолго суждено будет стать прискорбной спутницей белорусской литературы, также находит художественное воплощение в числе первых, остросюжетных:

Всюду школы для нас
В селах он наставил,
Изучать «буки», «аз»
Розгами заставил.
Тут родного словца
Не слышит, не знает;

Так ведь он молодца
Совсем доконает.
Да научит ребят
Ругани и русской:
«Сукин сын, я тебя
Засажу в кутузку...»
«Сукин сын» иль «пся мать» —
Различье какое?
Иль не могут нам дать
Что-нибудь другое?

Гуринович А. Что ты спишь, мужичок...
Перевод С. Ботвинника[35].

Оживление национально-литературного самосознания шло параллельно и стимулировалось научным белорусоведением, представленным к исходу XIX века внушительным списком исследований и публикаций как белорусских, так и русских, украинских, польских историков, этнографов, филологов — А. Киркора, И. Носовича, Е. Романова, П. Бессонова, О. Бодянского, А. Сапунова, М. Довнар-Запольского, Н. Костомарова, В. Антоновича, А. Пыпина, А. Шахматова, Я. Карловича, М. Федоровского, а еще раньше — чешского слависта П.-Й. Шафарика, кажется, первого в международном славяноведении открывателя самобытности белорусского этноса, языка и культуры.

Отдельного внимания заслуживает имя П.В. Владимирова, автора капитального труда «Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык» (Спб., 1888), давшего впервые обстоятельное описание эпохи, жизненного пути и творческого портрета белорусского просветителя-первопечатника на панорамном фоне развития древней письменности и культуры. Исследование Владимирова сыграло заметную роль в воскрешении и соединении скорининских, в целом старобелорусских творческих традиций с литературным процессом нового времени, хотя очевидные результаты этой взаимосвязи более ощутимо заявят о себе несколько позднее, в «нашенивский» период (творчество М. Богдановича, В. Ластовского, Я. Лесика, М. Гарецкого, З. Бядули и др.).

И вот что замечательно. Русские ученые, прибывая в Белоруссию для изучения поэтического творчества, языка, традиционного уклада местного населения, нередко открывали для себя вещи, прямо противоположные официальным установкам об «истинно» русском характере этих земель, «подпорченных», якобы, многовековым польским влиянием. Их взору открывалась искони самобытная, хотя и надломленная длительным господством иноземщины, живучая индивидуальность народа. Одно из таких открытий принадлежит фольклористу и этнографу П.А. Бессонову, предварившему свой сборник «Белорусские песни» (М., 1871) обстоятельным размышлением о самобытности, а, в сущности, исторической полноценности белорусов как этнической общности: «До сих пор, вступая внутрь этих пределов Края, который недавно принято называть хотя не совсем точно, Северо-западным Русским краем, как ни отяжелела над ним рука последних столетних событий, видишь, слышишь и чувствуешь всюду, что здесь точно существуют, не надуманы и не начертаны только, географические или государственные границы; что внутри их есть действительная особенность изнутри себя их очертившая; что здесь *своя почва, свое племя, свой народ...*» (с. VI, курсив наш. — ***А.К.***).

Не менее значима, а для нашей темы по-особому симптоматична обстоятельная статья писателя и краеведа Александра Ельского «Белорусская литература», опубликованная в «Большой всеобщей популярной энциклопедии» (Т. VII, Варшава, 1892, на польском языке). Тринадцать страниц убористого энциклопедического текста посвящено литературной истории народа — от Ф. Скорины до Ф.Богушевича, историчность которого и право на самостоятельное развитие оспаривались тогдашними официальными структурами. Глубокий знаток отечественной истории, рачительный собиратель и популяризатор памятников культуры, Ельский имел достаточно оснований верить в грядущий расцвет творческих сил народа, иронией судьбы сдвинутого на какое-то время на обочину исторического процесса. Свою уверенность он и высказал в одном из писем к Я. Карловичу от 16/28 февраля 1890 года: «Мир находится в преддверии катаклизмов, после которых должны прийти новые общественные силы. От этого поворотного пункта начнется свободное национальное движение, — значит, и многомиллионный белорусский народ разовьет свой дух в естественном направлении... Беларусь дождется еще своего Шевченко»[36].

Идущий на смену XX век вызовет к жизни новые силы, новые классические имена. *Идею* национального возрождения, добытую из-под пепла забытья, силы эти подхватят и воспламенят в освободительном *движении* под собственно белорусскими скрижалями: «Не покидайте..!» (Богушевич) и «людьми зваться» (Купала).

---

[1] *Никольский С.В. Чешская литература в контексте славянских литератур эпохи славянского возрождения // Литература эпохи формирования наций. М., 1982. С. 97, 100.*

[2] *Свирида И.И. Национальное возрождение // Советское славяноведение. 1989. № 3. С. 50, 51.*

[3] *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі ў 6-ці тамах. Т. 1. Мн., 1993. С. 58.*

[4] *Чабан Т. Последнее возрождение? // Нёман. 1990. № 11. С. 185.*

[5] *Скарына Ф. Творы. Мн., 1990. С. 56.*

[6] *Киселев Г.В. Белорусская литература XIX в. Проблемы источниковедения и атрибуции. Автореферат диссертации-монографии «От Чечота до Богушевича» на соискание ученой степени доктора филологических наук. Мн., 1993.*

[7] *Казбярук Ул. Заняпад і адраджэнне // Полымя. 1990. № 6; Біч М. Беларускае адраджэнне ў XIX — пачатку XX ст. Гістарычныя асаблівасці, узаемаадносіны з іншымі народамі. Даклад XI Міжнароднаму з'езду славістаў. Мн., 1993; Коваленко В. Полюс тревоги. Национальное самосознание и мораль // Нёман, 1993, № 4; Он же. Возвращение к самим себе // Там же. 1994. № 3; Терешкович П. Русские в Белоруссии: постинтернационалистская рефлексия // Там же. 1992. № 6; Конон В. О белорусской идее // Там же. 1994. № 1; Грыцкевіч В. Гісторыя, самасвядомасць, этнас // Маладосць, 1994. №№ 3, 4; Ліс А. Беларуская ідэя і адраджэнне славян // Полымя. 1993. № 4; Хаустовіч М. Ля вытокаў беларускае ідэі // Полымя. 1994. № 11; Латышонак А. Беларуская нацыянальная ідэя // Сьвіцязь, Гродна, 1994, № 2; Turonek J. Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi. Warszawa,1992.*

[8] *Беларусіка. Albaruthenica. Вып. 1, 2, 3. Мн., 1993 - 1994.*

[9] *Кавко А.К. Тема Родины в поэзии белорусского зарубежья // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис, проблемы изучения. Черкесск, 1993; Кіпель В. Беларусы ў ЗША. Мн., 1993 (перев. с англ.); Калубовіч А. Крокі гісторыі. Дасьледаваньні, артыкулы, успаміны. Беласток-Вільня-Менск, 1993; На суд гісторыі. Успаміны, дыялогі. Мн., 1994; З гісторыяй на «Вы». Артыкулы, дакументы, успаміны. Мн., 1994. Вып. 3.*

[10] *Булгаков С.Н. Соч.: В 2-х т. Т. 2. М., 1993. С. 439 - 440.*

[11] *Станкевіч Ад. Да гісторыі беларускага палітычнага вызваленьня. Вільня, 1934. С. 11.*

[12] *Хаустовіч М. Ля вытокаў беларускае ідэі... С. 172 и др.; История белорусской дооктябрьской литературы. Мн., 1977. С. 335, 337.*

[13] *Багдановіч М. Збор твораў у 2-х тамах. Т. 2. Мн., 1968. С. 343.*

[14] *Очевидно в данном случае подразумевается Литва не этнографическая (в современном этно-государственном понимании), но «историческая» (Великое княжество Литовское), полиэтноним которой еще в продолжение XIX века применялся, чаще на бытовом уровне, к западным районам Беларуси, включая Новогородчину, «малую» родину Мицкевича.*
Белорусская культурокорневая основа и, соответственно, фактическое содержание ряда произведений А. Мицкевича обстоятельно рассмотрены в работах В.А. Коваленко, С. Браги (Каваленка В.А. Міфа-паэтычныя матывы ў беларускай літаратуры. Мн., 1981. С. 89 - 107.; Брага С. [Тумаш В.] Міцкевіч і беларуская плынь у польскай літаратуры // З гісторыяй на «Вы». Вып. 3.). Этой же теме посвящено капитальное исследование польской фольклористки, умершей в эмиграции, Олимпиады Свеневич (1902-1974) — «Интерпретация «Дзядов» Мицкевича в свете сокровищ белорусской культуры» — с рукописью которой нам довелось познакомиться в архиве Института В. Сикорского в Лондоне. Публикация данной работы существенно обогатила бы и мицкевичеведение, и белорусское литературоведение.

[15] *Вестник Европы, 1887, июнь. С. 296.*

[16] *Poźniak T. Polacy w białoruskim odrodzeniu kulturalno-literackim // Studia Polonoslawica orientalia / Acta literaria. XIII. Warszawa, 1992. S. 15.*

[17] *Rypiński A. Białorus. Paryż, 1840. S. 3.*

[18] *Лойка А.А. Гісторыя беларускай літаратуры ў 2-х частках. Ч. 1. Мн., 1989. С. 49.*

[19] *Rypiński A., op. cit.*

[20] *Zdziechowski M. Władysław Syrokomla: pierwiastek literatury białoruskiej w twórczości polskiej. Wilno, 1924. S. 21.*

[21] *Biblioteka Narodowa. Pałac Krasińskich. II. 7871, л.л. 9, 34.*

[22] *Кузьняева С. Нацыянальнае адраджэньне, нацыянальная сьвядомасьць // Беларускі гістарычны агляд. Т. 1. Сш. I, Мн., 1994. С. 58.*

[23] *Имя этого ученого-филолога, в своем роде подвижника белорусской словесности, в 1-м томе «Очерков по истории белорусско-русских литературных связей», целиком посвященного XIX в., даже не упомянуто.*

[24] *Кавко А.К. Францишек Скорина и белорусская литература XVI — нач. XX в. Проблема преемственности. Автореферат... М., 1991. С. 23.*

[25] *Вот несколько строф (в современной белорусской графике) из этого, ранее нигде не публиковавшегося стихотворения:*

О, як настаў час вясёлы,
Трава зямлю пакрывае,

Ўсюды ў вульлях гудуць пчолы.
Крышка сьнегу — й той зьнікае.

Халодны сівер з паўночы
Сапе, куды і хто знае, —
А на яго месца ўночы
Цёплы вецер павявае.

Там грамада авец ходзіць,
Зубкамі траву шчыпае;
Як пастух дуду лагодзіць
І на дудцы выйгрывае...

Отдел рукописей
Института русской литературы
(Пушкинский дом), ф. 154, № 7, л. 140.

Произведение, возникшее вероятнее всего не позднее начала 30-х, наряду с известным стихотворением П. Багрима «Зайграй, зайграй, хлопча малы» позволяет судить о сюжетном и интонационном многообразии белорусской лирики, уже на начальном этапе отмеченной сочетанием социально-гражданственных и эстетических мотивов и красок.

[26] *Согласно данным переписи 1897 г. 50 проц. дворянства белорусско-литовских губерний в качестве родного языка назвали белорусский (Біч М. Беларускае адраджэнне... С. 8.).*

[27] *Пачынальнікі. З гісторыка-літаратурных матэрыялаў XIX ст. Уклад. Г.В. Кісялёў. Мн., 1977. С. 307.*

[28] *Там же. С. 274.*

[29] *Кісялёў Г. Героі і музы. Мн., 1982. С. 31.*

[30] *Публицистика белорусских народников. Сост. С.Х. Александрович. Мн., 1983. С. 120, 121.*

[31] *Там же. С. 60.*

[32] *Автор письма, по-видимому, еще не знал, что его женевский адресат не только хорошо ориентировался в белорусском языке, но и всячески поддерживал возрождение письменности на нем; в частности по инициативе Драгоманова в Женеве к этому времени (1881) была издана в переводе на белорусский, с его предисловием, революционная брошюра А.С. Подолинского «О богатстве и бедности». Им же вынашивался план, концептуально изложенный в специальной листовке (хранится в Российском архиве литературы и искусства, фонд М.П. Драгоманова) о налаживании за рубежом систематического печатания литературы на языках народов бывшего Великого княжества Литовского.*

[33] *Беларуская літаратура XIX ст. Хрэстаматыя. Выд. 2-е. Склад. А.А. Лойка, В.П. Рагойша. Мн., 1988. С. 312.*

[34] *Там же. С. 314.*

[35] *Белорусские поэты (XIX — начало XX века). М. - Л., 1963. С. 201-202.*

[36] *Пачынальнікі, указ. соч. С. 355.*

НЕ БЫТЬ ЧУЖАКАМИ!

Юбилейные дни в память о Максиме Богдановиче, всенародно отмеченные в Белоруссии, скромно, почти незаметно завершились в Москве. Здесь ведь тоже пролегали жизненные пути белорусского поэта-классика. Вспомним кстати: летом 1915 года, на квартиру тогдашнего доцента Московского университета В.И. Пичеты, проживавшего на Остоженке, заявился автор «Вянка» с целью привлечь внимание ученого к истории белорусов. Жаль, но «богдановичевский» торжественный вечер в Колонном зале Дома Союзов не состоялся, хотя пригласительные билеты были уже растиражированы и частью розданы по организациям, а артисты из Минска провели на московских подмостках необходимую репетицию перед большим концертом. Но вдруг чей-то властный, по обыкновению анонимный голос изрек повелительное «нет» и вечер срочно отменили. Впрочем, сетования над порядками в «датском королевстве» теперь вряд ли уместны: потрясаемому мощными тектоническими толчками, ему, очевидно, не до юбилеев. Да и эти строки — не о юбилее, но о поэзии, о Поэте.

Все же и российская столица не осталась безучастной к личности юбиляра. Были обширные публикации в «Литературной газете», «Литературной России». В небольшом зеркальном зальчике Правления Союза Писателей, на Воровского, состоял-

ся увлеченный разговор о творческом наследии Богдановича, с участием белорусских (В. Конон), украинских (В. Крикуненко), российских (С. Алиева, Г. Митин, Т. Сотникова) литературоведов. Выступил на этой встрече и Алесь Адамович, предложив несколько неожиданную и, пожалуй, точную разгадку поэтической тайны создателя «Слуцких ткачих», «Переписчика», «Мадонн»: *поэт-дитя*. Лишний раз подчеркнув тем самым удивительную чистоту и ненарочитость художественных творений Максима-книжника.

Затрагивался в той же дискуссии и вопрос о всемирности нашего поэта-мыслителя. Она, в моем представлении, коренится в характере его белорусского мировосприятия, национальной неприкаянности. Глубоко постигая и переживая историческую судьбу своего народа, не потому ли М. Богданович столь проницателен и отзывчив в восприятии великоросса Пушкина, украинца Шевченко, индийца Тагора, многих других фигур и явлений мировой культуры?

Наконец, о «Погоне» — наиболее ярком и многозначительном образе-символе у Богдановича. Сколько не перечитывай эти разящие острой досадой и болью чеканные строки, а укоризны горькой, саднящей сердце, не унять. Не укрыться, не спрятаться нашему закормленному сознанию от нарастающего грозового гула рыцарей-погоничей — в безудержном галопе летящих безмежными далями запроданной родины, взывая к совести и чести ее беспутных детей-отреченцев:

Иль они, Беларусь, устремились,
Твоих блудных сынов догонять,
Что забыли тебя, отрешились,
В рабство продали Родину-мать?

Бейте в сердце их, бейте мечами,
Очужевших пусть мучает стыд!
Пусть познают, как сердце ночами
По родимой сторонке болит...

Перевод Ивана Бурсова.

Батрачество по чужим языкам и культурам, при отречении и запустении своих несметных сокровищ. «Бездомники» в собственном

дому — вековой злокачественный нарыв на белорусском теле, рассекаемый разящим и целительным словом поэта-врачевателя. Считается, что суровый, осудительный пафос этого стихотворения адресован белорусской интеллигенции, поставившей фактом своего национального отступничества под немалое сомнение и собственную интеллигентность. Но это половинчатое, если не ущербное объяснение вопроса, тем более с ретроспективы написания «Погони» (1915-1916). Сегодня ведь проблема духовно-культурного оскопления, саморазрушения древнего и самобытного славянского народа обострена до общенационального бедствия. Обуздание и устранение смертоносной тучи, духовного и радиационного загрязнения синеокой Беларуси — задача отнюдь не сословно-элитарная, но всеобщая, всебелорусская.

«Не давайце чужынцамі быць!» — трубный, праведный клич возрождаемой Беларуси слышно далеко за ее пределами. Да и затяжные блуждания сынов Отечества, улегающих за иноземными крохами, призраками — только ли белорусская драма? Богдановичева «Погоня» звучит на русском, польском, чешском, болгарском, сербском, немецком, английском... Мгновенно улетучился с прилавков только что изданный в Минске очередной сборник Богдановича в русском переводе (Б. Спринчана); не залежалось, к слову говоря, и «белорусское» издание. Белорусские литературоведы завершают подготовительную работу к изданию полного собрания сочинений поэта. Да и в Москве не один из моих знакомых-книголюбов сетует на невозможность разжиться заветным томиком. Вся надежда на московского издателя, способного проникнуться неземной просветленной грустью, излучаемой неизбывными строками о суетном и вечном:

....
Хто мы такія?
Толькі падарожныя, —
папутнікі сярод нябёс.
Нашто ж на зямлі
Сваркі і звадкі, боль і горыч,
Калі ўсе мы разам ляцім
Да зор?

Я хацеў бы спаткацца з Вамі на вуліцы...
1915.

Итак, империя уходит. Возможно и она, подобно мифической Атлантиде, скроется под волнами забвения. Не станем однако горевать, тем более — взывать к воскрешению уходящих призраков.

С нами остается Поэт, его нетленное слово — ныне и присно.

декабрь, 1991 г.

ОТ ЕФРОСИНЬИ ПОЛОЦКОЙ НАЧАЛО...

«Круглый стол» в «Российской газете» (2.04.1992 г.) по теме: «Славянский мир: испытание на разрыв».

Меня, белоруса, не мог не насторожить прозвучавший за нашим столом давний мотив «собирания России». Каковы пространственные пределы воображаемого собирательства? Те, что обозначены в «обустроительном» проекте Александра Исаевича Солженицына? Так ведь хорошо известно о негативных откликах белорусской, да и украинской общественности на «единонеделимый» пафос размышлений крупного русского писателя. Да, сближение возможно, необходимо, но отныне — на основе не декларативного, а фактического, реального самоопределения народов-государств, их независимости, суверенитета.

Много сейчас говорится об экономическом, оборонном пространстве, реже — о духовном, хотя на этом участке запустения и, подчеркнул бы, неравноправия, предостаточно. Почему, к примеру, в газетных киосках Минска каждое утро в избытке свежая московская пресса, а в Москве, даже у Белорусского вокзала, купить белорусскую газету, журнал невозможно? Да и российская центральная печать не очень жалует информацией о жизни Беларуси, впрочем, как и радио, телевидение.

Диалог культур и народов — наиболее приемлемая перспектива. Только на этом пути и придет к нам понимание, а значит, и уважение взаимной общности и, что не менее важно, индивидуальности, историко-культурной неповторимости каждого народа.

Еженедельник «Літературна Україна» опубликовал недавно результаты социологического опроса своих читателей. Из списка 15 национальных знаменитостей предложено было назвать три наиболее симпатичных. Полученные ответы по-своему интересны и показательны как раз в плане «положительного национализма», о правомерности которого говорил только что Вячеслав Михайлович Клыков. Так вот в первой тройке оказались, согласно ответов, Тарас Шевченко (80%), Михайло Грушевский (52,5%), Мазепа (49,6%). Далее, по ниспадающей, следуют имена М. Драгоманова, С. Петлюры, князя Данилы Романовича, Н. Махно, В. Ленина, Н. Скрипника, Н. Хрущева.

Не уверен, что всякий русский читатель согласится, не смущаясь, с иерархией культурных и политических предпочтений братьев-украинцев — вполне понятных, по крайней мере для меня, с точки зрения их собственного национально-патриотического видения.

Пытаюсь, в свою очередь, представить себе параллельный украинскому ряд белорусских фигур по всему тысячелетнему историко-культурному срезу: Ефросинья Полоцкая, Ф. Скорина, Витовт, Л. Сапега, К. Калиновский, И. Луцкевич, А. Луцкевич, Янка Купала, М. Богданович, В. Ластовский, С. Булак-Булахович, А. Червяков, Н. Улащик, Л. Гениюш, П. Машеров. Наверняка добрая половина из названных фамилий мало о чем говорит участникам нашей встречи, тем более широкому читателю. Да и в самой Белоруссии до недавнего времени официальная историография шельмовала едва ли не все подлинно национальное, патриотическое, если оно не подверстывалось под химерические критерии всемирно-пролетарского интернационализма. Так за пределами общественного сознания и самовоспитания оказались многовековые традиции белорусской государственности, церковности, освободительного сопротивления (нередко антимосковского, антироссийского) за национальную независимость.

Нынче в русле национально-возрожденческого движения начата трудоемкая работа по восстановлению духовного Храма, воскрешению в нем поруганных, отринутых или незаслуженно запамятованных культов — языка, религии, государственности. Понятно, у каждого народа свой объем восстановительных задач, свои приоритеты. И в диалектике взаимного притяжения и

отталкивания культур не исключено, на какое-то время, преобладание отталкивающего начала. Но культура, свободная от насилия, внутренне демократичная, всегда открыта и предрасположена к международному диалогу.

1992 г.

ПЛЕБІСЦЫТ, ЯКІ ДОЎЖЫЦЦА
Да 75-х угодкаў БНР *

Нацыя, заўважыў хтосьці з мудрых, ёсьць бесьперапынным плебісцытам. У Беларусі ён пачаўся 25 сакавіка 1918 году — з абвешчаньня незалежнае Беларускае Народнае Рэспублікі. А дакладней — зь Першага Ўсебеларускага кангрэсу (сьнежань 1917 г.), удзельнікі якога — каля дзьвюх тысячаў дэлегатаў, з усіх абшараў краіны, мала не ад усіх сацыяльных і прафэсійных катэгорыяў — адназначна і практычна ўпершыню веставалі аб дзяржаўным самавызначэньні Бацькаўшчыны. На жаль, гэтае вызвольнае пачынаньне глуміцца гвалтоўным разгонам кангрэсу бальшавіцкімі начальнікамі так званай Заходняй Вобласьці. Апанаваныя ідэяй сусьветнае пралетарскае рэвалюцыі, яны рашуча адмаўлялі гэтай славянскай супольнасьці ў праве на самабытнае, самастойнае разьвіцьцё, сьцьвярджаючы (В.Кнорын): «Белорусы не являются нацией и... этнографические особенности, отделяющие их от остальных русских, должны быть изжиты». Фактычна над «изживанием» беларускіх асаблівасьцяў і будзе на працягу наступных дзесяцігодзьдзяў шчыраваць таталітарная сыстэма, асланяючы асымілятарскую практыку гучнымі лёзунгамі «расцвета и сближения наций», «интернационального единства народов» і да т.п.

І ўсё ж. Беларускае «не» векавечнаму гнёту, прагучэлае трубой арханёла на І-м Усебеларускім кангрэсе, не сьціхала. З тым, што драматычныя рэаліі, выкліканыя антыбеларускай палітыкай бальшавізму, пакіроўваюць вызвольны рух на шлях поўнае дзяржаўнае незалежнасьці і сувэрэнітэту. 21 лютага 1918 г. абраны кангрэсам Выканаўчы Камітэт зьвяртаецца зь Першаю Ўстаўною Граматаю да народаў Беларусі і ўтварае Часовы Ўрад — Народны Сакратарыят Беларусі. 9 сакавіка на падставе Другой

Устаўной Граматы Беларусь абвяшчаецца Народнай Рэспублікай, заканадаўчыя правамоцтвы якой меў зацьвердзіць Устаноўчы Сойм. Гэтай жа Граматай дэкляруюцца асноўныя дэмакратычныя прынцыпы абвешчанай Рэспублікі: скасаваньне прыватнае ўласнасьці на зямлю і перадача яе бяз выкупу тым, хто на зямлі працуе, 8-гадзінны рабочы дзень на прадпрыемствах, права на прафэсійныя аб'яднаньні і забастоўкі, вольнасьць слова і друку, раўнапраўе ўсіх народаў і нацыянальнасьцяў, насяляючых Беларусь.

Мірнае пагадненьне ў Берасьці паміж савецкай Расеяй і Нямеччынай, коштам акупацыі германскімі войскамі значнае тэрыторыі Беларусі ўключна зь Менскам, паскараюць падзеі. А 8-й гадзіне вечара 24 сакавіка склікаецца пленарнае паседжаньне Рады БНР. Пасьля працяглае і вострае дыскусіі па дакладзе Аркадзя Смоліча раніцой 25 сакавіка, а 8-й гадзіне, Рада большасьцю галасоў прымае рашэньне аб Дзяржаўнай незалежнасьці Беларусі, выказанай у Трэцяй Устаўной Грамаце. «Ад гэтага часу, — сьцьвярджалася ў дакумэнце, — Беларуская Народная Рэспубліка абвяшчаецца незалежнаю і вольнаю Дзяржаваю» з граніцамі ў межах спаконвечнага расьсяленьня беларускага этнасу.

Але спробам беларускага дзяржаўнага самавызначэньня знутры і зьнізу не было наканавана давяршыцца посьпехам. Яно падзяліла лёс самавызначэньня братняе Ўкраіны, другіх народаў былое імпэрыі. Заважылі на гэтым шляху іншаземныя акупацыйныя сілы — спачатку нямецкае войска, затым — бальшавіцкае, польскае, ізноў бальшавіцкае. Заважыла слабасьць нацыянальнага ўсьведамленьня, кволасьць нацыянальнае волі з боку шырокіх беларускіх масаў. Аб гэтай уласна беларускай, дасюль не адоленай нямогласьці, удзельнік тых падзеяў Кастусь Езавітаў скажа горкімі і справядлівымі словамі: «Беларускі народ на чале зь Першым беларускім урадам не аказаў патрэбнага адпору сваім акупантам. У гэтым сэнсе акурат і выявілася нацыянальная непадрыхтаванасьць. Народ аднёсься пасыўна да свайго лёсу». І там жа: «Каб здабыць незалежнасьць, мала толькі абвясьціць яе на паперы. Яе патрэбна здабыць уласнымі рукамі, бо ніхто яе нам не падаруе. Але для гэтага трэба мець моц і волю

да незалежнага жыцьця». Сугучная гэтай і другая ягоная выснова, выказаная ў лісьце з Рыгі ад 28 ліпеня 1943 году да Міколы Абрамчыка (НА РБ. Ф.458, в.1, спр.85, арк.1): «Беларускі народ у сярэднім высокамаральнага складу. І якраз гэтая маральнасьць пазбавіла нас ініцыятывы, рашучасьці, энэргіі... Мы не пускаліся ў налёты, як нарманы, нашчадкі якіх сёньня хоць і невялікія швэдзкі і нарвэскі народы, але маюць і дзяржаўнасьць, і культуру, і новыя маральныя пакаленьні. Мы ня мелі духовае цьвёрдасьці, каб даць адпор [чужацкаму] засільлю». Ці ня ў гэтых працытаваных выказваньнях (а сутнасьць іхная лейтматывам праходзіць па старонках беларускае думкі найноўшага часу) стоеныя галоўны ўрок і зарок Беларускага Адраджэнчага Шляху, вызначана рашучая альтэрнатыва нацыянальнай нямогласьці? І ўрок і зарок гэты 21 сакавіка 1993 году палымнеў агністымі словамі на белым палотнішчы ўперадзе, над многатысячнай грамадой урачыстага шэсьця ў Менску ад Плошчы Незалежнасьці, праспэктам Скарыны да помніку Янку Купалу: «НАРОД, БАРАНІ СЯБЕ САМ».

Таму гістарычны факт абвяшчэньня БНР — практычны, хоць і непрацяглы ў часе досьвед маладое дзяржавы па адраджэньні беларускае культуры, наладжваньні нацыянальнае школы, міжнародным прызнаньні Беларусі, наогул, інтэрнацыяналізацыі беларускага пытаньня — усё разам узятае азначала эпахальную вяху ў вызваленчым лёсе беларускага народу. Азначала па сутнасьці пачатак нацыянальнае рэвалюцыі на Беларусі, пачатак гістарычнага пераходу ад этнаграфічнае колькасьці да нацыянальна-дзяржаўнае якасьці. Рэвалюцыі, што высьпявала ў беларускіх нетрах і была скіраваная не на разбуральніцтва, не на паніжэньне і ўцісканьне іншых народаў і нацыянальнасьцяў, але толькі на зьдзяйсьненьне аднаго-адзінага права беларусаў: будаваць свой вольны незалежны Дзяржаўны Дом, каб урэшце ў гэтым доме не марнець у жаласьлівай ролі жабрака «з-пад лаўкі», а жыць годна, заможна, як выпадае сапраўднаму, паўнаўладнаму гаспадару.

Вось чаму прыклад-палітычны досьвед БНР, нягледзячы на часовае паражэньне, застаўся назаўсёды незьнішчальнай ідэяй у архівах беларускае думкі, прадвызначыў, у пэўным сэнсе, далейшае дзяржаўнае будаўніцтва на Беларусі, нават і тады, калі яно і адбывалася праз адмаўленьне і фальсыфікацыю досьведу БНР. Парадаксальная пераемнасьць з гэтым досьведам праявілася пазьней, і пры ўтварэньні Беларускай Савецкай Сацыялістычнай Рэспублікі (студзень 1919, ліпень 1920), і падчас прыняцьця Вярхоўным Саветам БССР Дэкларацыі аб дзяржаўным сувэрэнітэце (ліпень 1990), і нарэшце пры абвяшчэньні незалежнае і сувэрэннае дзяржавы Рэспублікі Беларусь (жнівень 1991). Вось чаму сягоньня, адзначаючы ўгодкі «Сакавіка» —сьвята Беларускае Незалежнасьці — нельга не пахіліцца ў Памяці перад імёнамі нашых адраджэнцаў, ахвярных будаўнікоў Беларускае Дзяржавы — людзей розных, іншым разам процістаўных палітычных перакананьняў, але аднолькава самаахвярных дзеля Беларускае Справы. Перад імёнамі Івана і Антона Луцкевічаў, Вацлава Ластоўскага, Аляксандра Прушынскага (Гаруна), Язэпа Лёсіка, Язэпа Варонкі, Вацлава Іваноўскага, Браніслава Тарашкевіча, Аркадзя Смоліча, Пётры Крэчэўскага, Аляксандра Цьвікевіча, Усевалада Ігнатоўскага, Зьмітра Жылуновіча, Аляксандра Чарвякова, Язэпа Адамовіча, перад імёнамі і Кастуся Каліноўскага, Францішка Багушэвіча, Янкі Купалы, Якуба Коласа, Максіма Багдановіча, Максіма Гарэцкага, Адама Бабарэкі, Мікалая Ўлашчыка, Уладзімера Караткевіча, Ларысы Геніюш —усіх тых, хто жыў, змагаўся і сканаў з гарачым поклічам у сэрцы: «Жыве Беларусь!»

Ушануйма ж памяць аб змагарох хвілінай маўчаньня.

Сьвята Беларускае Незалежнасьці вяртаецца з падпольля, яно выходзіць на плошчы, вуліцы, у залі Беларусі, узварушвае, яднае думкі й пачуцьці беларусаў за межамі Бацькаўшчыны. Далучаюцца да гэтага сьвята і беларусы Масквы — грамадзяне Расеі, чыё служэньне вольнай дэмакратычнай Расейскай Дзяржаве можа і павінна спалучацца з адданасьцю роднай Беларусі, спрыяньню яе Дзяржаўнай Незалежнасьці, Свабодзе, Сувэрэнітэту, яе культурнаму і сацыяльнаму росквіту.

Тыдзень таму на мітынгу ў Менску ля помніку Купалу згадваўся прарочы запавет народнага песьняра-будзіцеля. Ідэя гэтага запавету лунала і ў залі Беларускай Дзяржаўнай філармоніі падчас урачыстага сходу грамадзкасьці 25 сакавіка 1993 г. Ня-

хай жа Купалаў запавет прагучыць у гэтай маскоўскай дастойнай залі, дзе ў шматгалосым і рознанацыянальным хоры галасоў не аднойчы лунала слова павагі, спагады й падтрымкі Беларускай справе, Беларускай мове, Беларускаму Народу:

«Якімі б раскошамі матэрыяльнымі нас не надзялялі, ніколі ня будзем шчасьлівыя, пакуль чужая воля будзе гаспадаром над нашай воляй. Каб гэтага не было, мы павінны растаптаць, зьніштожыць даўгавечную ману, якая вучыць, што мы ня ёсьць мы, што нейкае нешта, якое абы накарміў, як быдлё, дык і сыта будзе. Мы павінны душу нашу народную выявіць у сваім «я», у сваёй самабытнасьці і сьмела сягнуць па сваё неадымнае права самім распараджацца гэтым сваім «я». Павінны за прыкладам вольналюбівых народаў «напісаць агністымі рунамі на сваім сьцягу: «Беларусь!» (Янка Купала).

Будзьма ж вартыя прарочых запаветаў, ідэяў 25 сакавіка!

Няхай жыве Вольная Беларусь!

Няхай жыве Вольная Расія!

Няхай жыве беларуска-расійскае вольнае і дэмакратычнае паяднаньне!

---

* *Выступ на сходзе беларускай грамадзкасьці Масквы, прысьвечаным 75-м угодкам Беларускае Народнае Рэспублікі. 26 сакавіка 1993 г., Цэнтральны Дом літаратара.*

ВЫСЬ МИНАРЕТА
Татарская диаспора в культуре Беларуси

Сьветлай памяці Якуба Якубоўскага

В этнокультурном облике Беларуси каждое из здешних инонациональных образований — русские, украинцы, поляки, литовцы, евреи, цыгане и т. д. — запечатлено своими специфическими чертами. «Татарский» узор на этом фоне или татарский мотив в белорусской культуротворческой полиглоссии по-своему выразителен. Перед нами интересный, во многом поучительный опыт плодотворного сосуществования и взаимопритяжения разнотипных историко-культурных, религиозных моделей, и как таковой заслуживает специального внимания. Интерес наш к данному вопросу стимулируют, к тому же, исследовательские

наработки специалистов — начиная с публикаций в XIX в. профессора-тюрколога С.-Петербургского университета А. Мухлинского[1] и заканчивая недавно изданной, добротно систематизированной работой о белорусских татарах С. Думина и И. Канопацкого[2].

Поселение татар на землях Беларуси-Литвы (бывшее Великое княжество Литовское) восходит к временам Гедимина, и, большей частью, Витовта. Рекрутировались пришельцы из числа добровольцев-военнослужащих в «литовских» дружинах, а также пленников. Историей зафиксирован и третий источник — переход в Литву (1395) хана Тахтомыша с воинством. Великий князь Витовт пообещал низверженному золотоордынскому властелину вернуть его на ханство, за что тот обязался помочь литовскому государю в овладении московским престолом. В те времена и Москва, и так называемая Русь литовская, «Литва» (ВКЛ), выступали каждый по-своему в роли объединителя, собирателя русских земель и в своих притязаниях активно разыгрывали татарскую карту[3]. Наряду с потомками Тахтомыша, а также крымского правителя Менгли-Гирея некоторую роль в формировании литовско-белорусской татарской диаспоры сыграли и их казанские, волжские сородичи, — значительная часть их после завоевания Иваном Грозным Казани была уведена на Ливонскую войну, а затем осела в Польше, Балтии, Беларуси[4].

К началу XVI в. количество татар-поселенцев в ВКЛ достигает внушительной цифры — около 100 тысяч; группировались они в основном на северо-западе страны, в окрестностях Вильны, Бреста, Лиды, Новогрудка, Несвижа, Клецка, Минска. Большая часть из них пополнила военное сословие и была приравнена в правах к тогдашней шляхте. Другая категория, потомки военнопленных и беглых ясачных людей, занималась традиционными ремеслами (кожевенное, швейное дело), огородничеством. Татарам-мужчинам, на новом месте оказавшимся, в силу обстоятельств (военная служба, полон) без напарниц-соплеменниц, законом еще при Витовте и позднее разрешалось вступать в брак с местными женщинами-христианками. При этом жены оставались при своем прежнем вероисповедании и после смерти хоронились на христианских кладбищах; дети же, как правило, воспи-

тывались в магометанстве. Вследствие смешанных браков фамилии многих мусульман обрели белорусское звучание — Родкевич, Богданович, Александрович, Юркевич и т. д. Подобным образом модифицировались и искони татарские имена, при добавлении белорусских суффиксов -ич, -ов-ич, -ев-ич: Ахматович, Джефирович, Юсупович и др.[5].

В новом своем отечестве татарские поселенцы, органически вживаясь, из поколения в поколение, в местный социально-политический и бытовой уклад, становятся полнокровными гражданами, а в случае необходимости его самоотверженными защитниками. Этими патриотическими достоинствами татарско-литовские воины отличались в противостояниях ВКЛ нашествиям не только с запада (крестоносцы; героизм татарской конницы в битве под Грюнвальдом) или с востока (Московия), но также со стороны крымских татар, пустошивших набегами окраины государства. В актах Литовской Метрики сохранилось послание литовских татар (1508) — своеобразное взывание к рыцарской чести единоверцев, вторгшихся в пределы страны: «Ни Бог, ни Пророк не предписывают вам грабить, а нам быть неблагодарными. Мы почитаем вас как хищников, а не братьев наших.., ибо мы около Ваки (Вильны) будем кровь проливать за литвинов, которые нас почитают своими братьями»[6].

Со временем под влиянием инонациональной стихии пришельцы-мусульмане постепенно забывают свой язык (кипчакская ветвь тюркских языков) и переходят на местный — белорусский или польский. На этих языках, в частности на старобелорусском, ими создается богатая письменность арабской графикой, причем наиболее интенсивно в XVI — XVII вв., в пору общего для того времени оживления белорусской письменной культуры. В последующие XVIII — начало XIX ст. создание новых татаро-белорусских литературных памятников почти прерывается, хотя продолжают появляться рукописные копии ранее созданных текстов, из которых, по замечанию А. Мухлинского, можно было бы составить небольшую библиотеку, как свидетельство того, что «наши татары любили заниматься науками и были даже между ними сведущие в мусульманском богословии»[7].

Они же заметно обогатили языковую палитру новой своей

родины, о чем красноречиво говорят многие татарские, а точнее татаро-тюркские вкрапления в белорусской лексике, давно воспринимаемые за собственно белорусские: *вішня, буда, саган, каўбаса, кабан, кабыла, сабака, бусел, брага, тапор, туман, кішэнь, дыван, андарак, армяк, тытунь, торба, вушак, язьмін, кайданы* и многие-многие другие слова, принесенные в белорусский напрямую или посредством русского и украинского, где подобные заимствования не менее значительны. По-видимому, через это же посредничество появилось здесь, прочно вписавшись в культурно-бытовой обиход Беларуси, емкое, колоритное слово *талака*, узкопрактический, поначалу, смысл которого трансформировался до более высокого, символического обобщения национальных устремлений, духовного возрождения[8].

В настоящее время, отмечается в новейшем энциклопедическом словаре «Беларусь» (Мн., 1995. С. 702.), этнокультурные различия между татарами и белорусским населением «почти исчезли». Однако упомянутое почти, во благо культуры, не следовало бы преувеличивать, во всяком случае радоваться на сей счет. Национально-возрожденческое оживление последних лет, коснувшееся так или иначе всех народов бывшего СССР, не обошло и белорусских татар. В республике образовалось (1991) и активно действует общественное объединение татар-мусульман «Аль-Китаб»; периодически выходит в свет ежеквартальник «Байрам» — научно-популярное издание по истории и современной культурной жизни татарской диаспоры, о присутствии татар и, шире, мусульманской цивилизации в мировой культуре. По этой же тематике культуротворческого схождения Востока и Запада в данной части европейского континента состоялось несколько международных научных конференций, приуроченных к 600-летию поселению татар в Литве-Беларуси. Начата подготовка многотомной энциклопедии о белорусских татарах. Восстанавливаются уничтоженные или поруганные в прошлом святыни — мечети (на территории Беларуси на начало 90-х годов сохранился лишь один мусульманский храм из 19, действовавших накануне второй мировой войны), мизари (мусульманские кладбища), а также возвращается исконная топонимика (в Минске, к примеру, прежнее название Татарской улице, переименованной в свое время в Кол-

хозную). Начато, наконец, возвращение к родному, почти забытому татарскому языку — источнику и гаранту национальной идентичности.

Татарское возрождение в современной Беларуси содержанием, исторической направленностью сродни аналогичному процессу среди титульной нации, обусловленному в определяющей степени проблемой противодействия ассимиляционному нажиму, глубинным интересам сохранения целостности и самобытности белорусского этноса. «На зямлі Беларусі ў згодзе» — таков программный девиз белорусских татар-возрожденцев.

Из всех иноэтнических образований в стране татарское было единственным, кто в связи с инициированным президентом республики референдумом (май 1995) о придании русскому языку статуса государственного, наравне с белорусским, не скрыло своей встревоженности тем, как бы узаконенное двуязычие не обернулось дальнейшим усилением ассимиляторства, понижением и без того сильно ослабленного общественного престижа исконного языка белорусского народа, что фактически после референдума произошло и происходит. Прозвучавшее в те дни обращение деятелей татарской культуры И. Александрович, А. Александрович, И. Канопацкого, Я. Якубоўскага и других к землякам-сородичам достойно внимания в свете традиций татаро-белорусского дружелюбия, их взаимной солидарности во благо национальной культуры, идентичности народа как такового (цитируемый ниже текст подается в переводе с белорусского):

«...Мы, белорусские татары, проживающие в Беларуси уже без малого 600 лет, и более 500 лет пользуемся белорусским языком как родным. Наши рукописные книги Аль-Китабы запечатлели белорусский язык XV-XVI столетий. И мы не намерены отрекаться от этого языка, хотя каждый татарин понимает и другие славянские языки. Если бы родителям предложили поменять своих родных детей на других, более привлекательных, сильных и умных, даже со знаком качества на соответствующих местах, и то разве что свихнувшийся решился бы на подобное. А разве кому-либо придет в голову поменять своих родителей на других? (...) Из 12 тысяч татар, проживающих в Беларуси, по данным переписи 1989 г., большинство назвали родным языком белорусский, около 2 тысяч — татарский, но это татары из Поволжья, прибывшие сюда после войны, и это вполне объяснимо. Мы надеемся, что на референдуме белорусские татары — и старожилы, и последующие поселенцы — выскажутся за белорусский государственный язык, ибо деликатность, уважение и искренность к народу, среди которого мы живем, к земле, где родились наши дети, где вечным сном почивают наши предки, не простят нам измены Отечеству»[9].

Трудно сказать, сколько «татарских» голосов влилось тогда в итоговое, более чем миллионное общебелорусское «нет» на упомянутом выше голосовании, да и не в точной цифре суть. Важен и дорог сам по себе голос братской поддержки — небольшим народом великого дела национального самосохранения. И в этом нравственном значении солидарное слово белорусских татар, наряду с подобным, тогда же, обращением к белорусской общественности известных украинских писателей (О. Гончара, И. Драча, Р. Лубкивского и др.), надо полагать, останется памятной строкой в летописи белорусского возрождения.

А теперь — о китабах, культурном достоянии в многовековых традициях татаро-белорусского диалога, по-особому заметном, значимом. Им посвящено фундаментальное исследование продолжателя традиций Мухлинского А.К. Антоновича, изданное тридцать лет тому назад в Вильнюсе — увы, малой печатью и минимальным тиражом в 500 экз.[10].

Китабы — это арабское обозначение книги, а точнее рукописных сочинений определенного, в основном религиозного содержания. Их жанровое и сюжетное наполнение довольно разнообразное: предания о жизни и деятельности Магомета и его ближайших сподвижников — так называемые хадисы; различные библейские легенды; описания церковных обрядов и ритуалов; морально-дидактические наставления для мусульманина; наконец, восточные приключенческие, нравственно-поучительные повести и рассказы (об одной из таких речь впереди).

Создавались также, наряду с китабами, хамаилы — небольшие объемом рукописные пособия-сборники молитв на арабском и старотурецком языках, сопровождаемые объяснениями на белорусском или польском. Сочинения этого рода предназначались

прежде всего для служителей религиозного культа мусульман — имамов-мулл. Весьма примечательно своей лапидарной информативностью лаконичное наставление (рекомендация) в одном из таких памятников (первая половина 18 в.), ориентирующее законоучителя мусульманской религии на общение с верующими на более доступном для них языке, а именно белорусском (потогдашнему «руском»): «Кали па татарску не вмейе, то по руску нехай абракаецца»[11].

Еще одна разновидность рукописных творений белорусских татар —это так называемые тефсиры, или списки Корана на арабском языке, опять же с подстрочным переводом, пересказом, комментарием по-белорусски или по-польски. Полного текста Корана с соответствующим белорусским подстрочником до сих пор не выявлено, однако в прошлом, по мнению Антоновича, такой перевод существовал, что подтверждается наличием во многих китабах «коранических» белорусскоязычных текстов-отрывков[12]. Этому же исследователю принадлежит вывод о вторичности польских редакций рассматриваемых памятников, возникавших чаще всего на базе уже имевшихся белорусских переводов восточных текстов.

Рукописные китабы, хамаилы, тефсиры, приключенческие повести —все эти сборники в свое время широко бытовали среди мусульманского населения Беларуси. Однако, нередкие потрясения и опустошения, постигавшие эти земли, не прошли бесследно для белорусской культуры, ее татарской ветви в частности. Многое погибло или безвозвратно утеряно. Тем ценнее сохранившиеся памятники, по которым, с одной стороны, прослеживается история, опыт вживания мусульмано-татарской духовности в славяно-балтский мир, а с другой — эволюция старобелорусской письменности, в ее тесном соприкосновении с языковым, идейно-художественным миром классического Востока.

Разумеется, все эти памятники — неоспоримая принадлежность татарского народа, его культуры. Но и «белорусская» культуротворческая доля в данном богатстве очевидна и входит органической частью в историю национальной литературы. Не случайно, что уроженцы Беларуси — тот же Мухлинский, за ним Е.Ф. Карский, позднее В. Ластовский, В. Вольский, Я. Станкевич и, особенно, Антонович приложили немало стараний в деле сохранения, изучения, популяризации этого уникального, поистине интернационального творческого опыта. Названный ряд был бы неполон без И.И. Луцкевича (1880-1919) — белорусского культурника-подвижника, собирателя древностей, видного деятеля-нашенивца, основателя белорусского музея в Вильно, позднее (1921-1945) его имени. Луцкевичу принадлежит заслуга в выявлении (1915) одного из значительных содержанием и объемом китабов, обнаруженного и приобретенного ученым для упомянутого музея у муллы С. Полтаркевича в селении Сорок Татар под Вильно (ныне рукопись хранится в библиотеке АН Литвы).

В посмертной заметке И. Луцкевича, посвященной обнаруженному памятнику и датированному им концом XVI — началом XVII в., обращено внимание на адекватную передачу в данном тексте арабской графикой звуков дз и ц', отражающих наиболее характерные фонетические свойства белорусского языка —дзеканье и цеканье, что обычно скрадывалось кирилловским церковнославянским письмом. К примеру «Цёмна было, вочы сьветласьці ня відзелі», — в кирилловской транскрипции было бы: темна, светласти, віделі[13].

Позднее Я. Станкевич, А. Антонович, каждый самостоятельно занимаясь сравнительным анализом мусульмано-белорусских текстов, пришли к одинаковому выводу о том, что в них наряду с дзеканьем, цеканьем отразились все другие особенности белорусской фонетики (включая отдельные диалектические отклонения): последовательное аканье, переход л, в в ў (быў, воўк, галоўка), а также у в ў (наўчоны). Благодаря точному графическому воспроизведению (с помощью специальных начертаний над буквами) этих звуковых деталей, старобелорусские тексты арабицей и поныне воспринимаются легко, мелодично, с ощущением их современности, хотя современный белорусский литературный язык значительно отличается от своего тогдашнего предшественника[14].

Процитируем, наконец, несколько фрагментов — показательных и притягательностью заключенных в них извечных душеспасительных истин, и, конечно же, упомянутой «легкостью», художественной выразительностью белорусского слова, обога-

щенного восточной мистикой и образно-стилевым колоритом.

Отрывок перевода «Хикмет» (духовное размышление) — о роковом предназначении ветхозаветного грешника, «адамского» человека перед грядущим искупительным судом Промыслителя: «Эй недужи адамски человек астатни час прідзе, нихто табе не да помочи як тилько Богъ, як тамъ кричаць будзешъ, нихто твайго голосу не пачуе, тилько Богъ. Калибъ хацеу уцекаць,нихто табе дороги не укажа. Да суднаго дня, нихто о цебе не папытае, тилько Богъ... Пиць, есьць есьли хочешъ, нихто не дасьць, тилько Богъ»[15].

Другой пример — из легенды «Мерадж», о вознесении пророка Магомета на небеса (китаб А. Луцкевича); фрагмент о препирательстве за первенство между небом и землею, разрешаемом, в итоге, Божьим всемогуществом и все тем же мотивом неотвратимости судного дня и окончательного исхода человечества перед раем и адом:

«Потым неба мовіць: «јa јест у Пана Бога лепшаје за зямлю, мајстат Божыј на мне стајіць і дзяржыць, на зямлю ізъ мяне ідуць усялякіја пажыткі з Божага расказаня, зь мяне на зямлю падајуць і жыуляјуць і усялякі плод зь неба на землю ідзе».

Потым зямля мовіць: «Aј неба, не хваліся, праўда јест на табе і мајстат Божы на табе стаіць, і дождж на зямлю мне ізь неба ідзе і мяне ажыўляе і плод даје, але тым неба не хваліся. Пан Бог нас судзіць, але јa јест у Пана Бога лепшаја за цябе, неба, у мяне Махаммэд прарок, мілосьнік Божы, ляжыць і судны дзень суд Божы на мне і сам Пан Бог зь неба на зямлю зайдзе і усіх судзіць будзе, рај і пекла на зямлі ста(јаць) будзе і Пану Богу чыніць будуць, спасены а да рају појдуць, а грэшныја да пекла»[16].

А вот сюжет из нравоучительных повествований мирского характера-рассказа о неустойчивом богомольце (конец XVII в.). Персонаж-мусульманин на пути в мечеть, поддавшись искушению дьявола, зашел в корчму. Далее следуют грехопадения, одно тяжелее другого — выпивка, опьянение, совращение корчмарки, убийство ребенка. Описанное здесь трагикомическое приключение (комизм усилен ведущей «искусительной» ролью самой хозяйки питейного заведения) причудливо соединило в себе мусульманский идеализм с белорусской бытовой реальностью (корчма, пьянство), явив одну из «кочующих» в средневековье барочно-литературных оппозиций «верха» и «низа» — с неизбежным наказанием порока и моральным наставлением: «Карчма шайтанскі дом нячысты, усім грахом галава»[17].

Относительно рассматриваемых нами памятников некоторые авторы придерживаются того мнения, что к истории собственно белорусской литературы те «имеют лишь косвенное отношение» и де интересны только в историко-лингвистическом плане[18]. Хотя и в «Хрестоматии по истории белорусского языка» (ч. 1, Мн., 1961) эти источники не представлены.

Очевидно, вопрос о принадлежности татаро-белорусских текстов не однозначен и удовлетворительно может быть выяснен лишь при рассмотрении данных памятников на общем историко-культурном фоне, в многоязычном контексте становления и развития белорусской словесности. Именно так в свое время подошел к проблеме Ластовский, рассмотрев в своей «Истории белорусской (кривской) книги» (1926), в многовековом «текстологическом» ряду один из китабов, подтвердив содержательную и эстетическую вписанность данного рода памятников в национальную книготворческую традицию.

Проиллюстрируем эту органическую вписанность еще одним примером — из восточной приключенческой повести (XVII в.) о похождениях бедного молодого человека. Тот, продав в неволю отца и мать и приобретя на вырученные деньги коня и шубу, отправляется в королевский замок для участия в соревновательном диспуте с королевской дочерью, слывущей небывалым остроумием и находчивостью. Не отпугнули решительного молодца от задуманного даже отсеченные головы предшественников-неудачников, насаженные на заборе у владений правителя. Помолясь всевышнему, юноша-бедняк вступает в «интеллектуальный» поединок с привередливой королевшей, выигрывает состязание и, согласно условиям, женится на ней; сразу же выкупает своих родителей и поселяет у себя, а после смерти тестя-короля (султана) становится полновластным хозяином королевства. Повесть читается легко, с нарастающим увлечением, по мере усложнения и обострения фабульной интриги (отгадает-не отгадает герой очередную мудреную загадку-ловушку, победит или погибнет?), сча-

стливо разрешаемой поразительной мудростью и проницательностью парня. Венчает сию историю достойная, хотя и стереотипная для подобных сказок-приключений, развязка — всеобщее гулянье, с обильным угощением, музыкой и песнями. И в данном повествовании мудрость и стилевые красоты Востока как бы растворяются в местной социально-бытовой и культурно-развлекательной стихии:

«усе людзі и панове, і людзі посполіты (не этих ли «людей посполитых» встречаем, сотней лет раньше, на страницах Скориновых книг? — ***А.К.***), і дваране, і чэлядзь» —коллективный портрет участников массового веселья. Оживляемый довольно впечатлительным свадебно-музыкальным фоном: «седем дней веселйе было, на котлы біто, на тромбы і на зурмы зурмілі». Лексико-поэтический строй повести, хотя и «разбавлен» заметно полонизмами, все же притягивает, местами завораживает мелодичной сочностью живого белорусского слова, образной афористичностью речевого лада: «як захочаш, так учыніш» («сказано — сделано»); «я у цябе закахалася»; «Богу хвалу даўшы»; «мова дзеўчыны так удзенча й слотка, як медовая патока»; «тая жанка ліхая была, сварлівая, ніколі не маўчала»[19].

Как уже упоминалось вначале, белорусские тексты арабицей продолжали, хотя и реже, появляться и в XIX веке. Особого внимания среди них заслуживает рукописный «Турецко-белорусский словарь-разговорник» (датирован косвенно 1836 годом). Авторство, по мнению специалистов, принадлежит жителю Слонима Мустафе Шегидевичу, известному также в качестве переписчика Китаба (обе рукописи хранятся в Национальном Музее Литвы). В разговорнике зафиксировано около 1000 двуязычно-лексических пар, тематически запечатлевших первозначимые сферы человеческого бытия (труд, одежда, предметы бытового обихода, окружающая природа, животный мир, погода) и общения в иноязычной среде (знакомства, приветствия и т. д.). Предназначался словник, как полагают, для белорусских татар-мигрантов в Османскую империю; весьма вероятно, что соавтором, а точнее составителем турецкой части этого прикладного пособия был житель Турции. Что же касается собственно белорусской лексики, то и здесь, как и в предыдущих памятниках, она представлена естественно и колоритно, явив в татарине-белорусе оригинального носителя языка своей родины, в его наиболее устойчивых свойствах и выражениях: жыць пришли; дзень добры; добры вечар; шчаслівай дарогі; бывайце здаровы; як будзе, так будзе.

Этот словарь недавно (1995) издан в Нью-Йорке под эгидой Белорусского института науки и искусства. Публикаторы и авторы предисловия Г. Александрович-Мишкинене, С. Шупа, пожалуй, кстати акцентировали наше внимание на своеобразии историко-культурных условий и очевидной феноменальности данной работы, которая воочию показывала и доказывала, что белорусское писанное слово способно выступать не только в роли объекта сентиментально-романтических созерцаний фольклористов и поэтов, но несло в себе «заряд функциональной мобильности и прагматизма, помогая человеку в решении практических жизненных проблем, выходу к другим культурам»[20].

Появившись на исходном этапе национально-культурного возрождения Беларуси, словарь-разговорник стал предтечей многих последующих лексикографических работ (Чечота, Шпилевского, Микуцкого, Носовича и др.), а в наше время —белорусско-крымскотатарского словаря Исмаила Мелетова (печатается, с продолжением, в квартальнике «Байрам»).

Далее несколько слов о другой стороне вопроса — о присутствии, отражении татарско-мусульманского начала в белорусской литературной традиции. Пожалуй первым, наиболее примечательным источником в этом отношении могут служить путевые записки легендарного путешественника из исторической Литвы, сокрытого под псевдонимом Михалона Литвина (подл. Михайло Тишкевич), — создателя трактата «О нравах татар, литовцев и московитян» (1555). Глубокий патриот своей родины, автор нисколько не отягощен какой-либо национальной мнительностью или гордыней. Напротив, с повышенным вниманием и пиететом всматривается он в обычаи, моральные качества иноплеменников, находя кое-что в их образе жизни достойным подражания для сородичей: «Татары превосходят нас не только воздержанием и благоразумием, но и любовью к ближнему»[21]. На фоне татарской благопристойности, умеренности в еде, трезвости, писатель не скрывает горькой досады от укоренившегося в его

отечестве пресквернейшего порока, каким является бытовое пьянство: «У нас же день начинается с пития огненной воды. «Вина, вина!» — кричат они еще в постели»[22].

Не обошли вниманием добродетельные свойства татар, но уже как соотечественников, и писатели нового времени. Их спокойствие и трудолюбие отмечены в краеведческих очерках Вл. Сырокомли. Ему вторит П. Шпилевский в своих путевых зарисовках по Белоруссии (1852), задержав теплый взгляд на жителях Татарской слободы в Клецке, ведущих «жизнь трудолюбивую, опрятную и миролюбивую»[23].

Позднее, в 20-е годы нашего столетия, мусульманская священная символика (Мекка, Коран, сура, минарет, рамадан, Медина) каскадом изумрудных брызг расплескалась в пламенной лирико-романтической исповеди Владимира Жилки (поэтический цикл, посвященный Вильно, 1925):

О, Вільня, крывіцкая Мэкка!
О, места, — ўсё цуд, хараство!
Дзяржаўная думнасьць павекаў,
Узьнята рашуча брыво!

Аблічам пад ветры і буры,
Туды — у разлогі палёў,
Дзе гоняў рунелыя суры,
Ўзіраесься, поўная сноў.

Чытай жа, чытай жа празь цемень,
Праз гэты бяздольля туман, —
Там дзеці жаданьнем, бы крэмень,
Кляліся на новы Каран.

———————————————————

О, Вильня, кривицкая Мекка!
О, город — сиятельный кров,
Державная гордость во веки,
Решительно поднята бровь!

Обличьем с ветрами и бурей

Туда в беспредельную новь,
Где всходов зеленые суры
Кустятся под крыльями снов.

Читай же, читай, не во бремя,
Сквозь мрак и бездольный туман, —
Там дети упрямо, что кремень,
Поклялись на новый Коран.

*(Перевод здесь и далее наш — **А.К.**)*

Среди белорусских писателей и поэтов, от Скорины до Купалы, Богдановича и позднее, едва ли не каждый считал своим сыновним долгом одарить проникновеннейшим словом этот удивительный город — белорусско-литовские Афины на берегу Вилии, колыбель национальной державности, источник духовного, политического возмужания, исторического бессмертия народа. Город — легенду национального величия и в то же время — мучительный символ-крест, посланный судьбой на испытание жизнестойкости страны, гражданской и нравственной полноценности ее населения, его волевой решимости на воскрешение и возрождение после затяжного закабаления и духовного захирения. И эту всенародную драму упадка, волевого надлома, но и упрямого, неистребимого жизнелюбия исповедует Жилки острорazящий и целительный слог, начиненный, вдобавок, мощной взрывной энергетикой восточно-сакральной образности:

Ім кажуць прапасьці са сьвету,
Ў парожнасьць расьсеяцца, ў дым;
Ды думкай, бы выш мінарэту,
Стаяць яны ў ветрыску злым.

———————————————————

Им велено сгинуть со света,
Рассеяться в бездне, во прах;
Но думкой, что высь минарета,
Стоят на суровых ветрах.

Но испытание на верность и мужество не окончено. Блудные

дети отечества еще в рассеянии («Між тых, хто ўцяклі да Мэдыны...»). Закаливание чести и воли среди униженных продолжается. Хотя вопрос о грядущем пророке-избавителе уже поставлен, обнажен:

А ён, паганяты, няўзнаны,
Душой шчэ згарае між нас, —
Хоць месяц мінуў Рамадана,
І вызначан тэрмін і час.

———————————————————————

І ты ці чакаеш пад зьдзекам,
Што бомкне ўрачыстая медзь?..
О, Вільня, крывіцкая Мэкка!
Ці варта прарока ты стрэць?[24]

———————————————————————

Гонимый он сквозь, неузнанный,
Душою сгорает меж нас,
Хоть месяц истек Рамадана,
И бьют уже сроки и час.

———————————————————————

И ждешь ли ты, чахлый калека,
Как вздрогнет сигнальная медь?..
О, Вильно, кривицкая Мекка!
Достойна ль пророка узреть?

***

Года два тому назад в Минске, на научной конференции, организованной объединением «Аль-Китаб» в память соплеменника Степана Александровича (1921-1986), белорусского писателя, ученого-филолога, автору этих строк довелось услышать из уст председательствовавшего незабываемые слова: мы, татары, народ небольшой, но вместе с 10-миллионным народом Беларуси нечто значим в мире. Это лапидарно оброненное, многозначительное нечто блестяще реализовалось в творческой судьбе известного зачинателя-подвижника на ниве истории белорусской книги,

национального литературного краеведения, на трудах и личном примере которого сложилось и обрело широкое признание целое литературоведческое направление — «школа Александровича».

Но Александрович — лишь одна, по времени ближайшая к нам приметная веха на многовековом пути татаро-белорусского духовного схождения[25]. Другие, более отдаленные и также непреходящие явления на этом пути мы попытались вспомнить. И тем откликнуться на знаменательное событие, широко только что отмеченное в Беларуси — 600-летие поселения татар на этой земле. Среди множества официальных и частных поздравлений и приветствий в адрес юбиляров имел место быть и признательный ответ-экспромт одного московского белоруса на приглашение участвовать в юбилейном торжестве:

Я сэрцам да сяброў сваіх гарнуся,
Паклон хілю высокай грамадзе:
Няхай жывуць татары Беларусі,
А зь імі й Беларусь не прападзе!

В самый раз поставить точку.

---

[1] *Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. Спб., 1857 (репринт, Мн., 1993).*
[2] *Думін С., Канапацкі І. Мінулае і сучаснасць беларускіх татар. Мн., 1993.*
[3] *Жлоба С. Татары ў этнагенезе ўсходніх славян // Татары-мусульмане на землях Беларусі, Літвы і Польшчы. Першая міжнародная навукова-практычная канферэнцыя... Мн., 26-27 сакавіка 1993. Ч. 1. Мн., 1994. С. 47.*
[4] *Фаяз Фаиз. Обращение к соплеменникам // Там же. С. 10.*
[5] *Станкевіч Я. Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом. Вільня, 1933 (репринт, Мн., 1991).*
[6] *Мухлинский А., указ. соч. С. 20.*
[7] *Там же. С. 29.*
[8] *«Талака» — в середине 80-х годов название одного из наиболее инициативных молодежных неформальных объединений в Минске, отличавшегося начинаниями по сохранению памятников старины, возрождению культурных традиций, родного языка.*

[9] *Так думаем мы, беларускія татары // Байрам, 1995, № 1. С. 5.*
[10] *Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс, 1968. 418 с.*
[11] *Там же. С. 12.*
[12] *Там же. С. 19.*
[13] *Луцкевіч І. Ай-Кітаб — Кіцёп // Скарыніч, вып. 2. Мн., 1993. С. 132.*
[14] *Станкевіч Я., указ. соч. С. 15; Антонович А.К., указ. соч. С. 363.*
[15] *Мухлинский А., указ соч. С. 68.*
[16] *Цит.: Ластоўскі В. Гісторыя беларускай (крыўскай) кнігі. Коўна, 1926. С. 306.*
[17] *Станкевіч Я. Указ. соч. С. 16.*
[18] *История белорусской дооктябрьской литературы. Мн., 1977. С. 245.*
[19] *Вольскі В. Наконт нацыянальнай літаратуры беларускіх татар // Узвышша, 1927, № 4. С. 146.*
[20] *Турэцка-беларускі размоўнік 1836 году. Агульная рэдакцыя С. Шупы. New York, 1995. С. 3.*
[21] *Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и московитян. М., 1994. С. 89.*
[22] *Там же. С. 77.*
[23] *Шпилевский П.М. Путешествие по Полесью и Белоруссии. Мн., 1992. С. 59.*
[24] *Жылка Ул. Творы. Мн., 1996. С. 102 - 104.*
[25] *Навукова-практычная канферэнцыя, прысвечаная 75-м угодкам С.Х. Александровіча. Матэрыялы. Мн., 1998.*
[26] *Кайка А. Мілы дружа і браце Ібрагім! // Байрам, 1997, № 4. С. 84.*

НЕ ПОГАСИТЬ!

Главному редактору
газеты «Рабочая трибуна»

Меня, читателя, возмутила публикация Е. Ростикова «Бывшие метят в будущие» (Рабочая трибуна, 17.09.1996 г.). Не берусь судить об источниках утверждений автора данной заметки о «полицействующей», антирусской направленности Первого всемирного съезда белорусов и его документов (нечто подобное уже внушалось читателям со страниц одной из самых «правдивых» московских газет). Однако по праву и долгу участника этого форума, соавтора принятых на нем решений не могу не отвести утверждения вашего корреспондента как насквозь фальшивые, направленные, по сути, на дискредитацию в глазах российской общественности патриотического движения белорусской диаспоры и, следовательно, на омрачение российско-белорусских дружественных отношений.

Не стану отвлекать Ваше внимание на фактическое содержание упомянутых выше документов, деятельности Объединения белорусов мира «Бацькаўшчына» (готов предложить для Вашего ознакомления необходимые материалы). Уточню лишь: в подготовке и проведении съезда принимали участие Правительство, МИД, Министерство культуры, другие правительственные органы, общественные организации, видные политики, писатели, ученые — Станислав Шушкевич, Петр Кравченко, Максим Танк, Янка Брыль, Василь Быков, Нил Гилевич, Радим Гарецкий...

Многочисленную диаспору белорусов России (свыше 1,2 млн. человек) представляли делегации Москвы, С.-Петербурга, Нижнего Новгорода, Сибири. Не кажется ли Вам, господин редактор, а я в том убежден, что своей публикацией газета нанесла оскорбление едва ли не всем участникам этого символического Всебелорусского Собрания, объединившего посланцев Европы и Азии, Америки и Австралии, людей разных мировоззренческих и политических ориентаций на платформе общей идеи служения матери-Беларуси, интересам независимости, международного престижа белорусского государства, его равноправных, взаимно уважительных отношений с другими странами и народами. С чего вдруг это естественное, благородное стремление в редакции «Рабочей трибуны» сочли предосудительным, антирусским? Неужто по избытку традиционного неравнодушия «великорусского» к братьям-белорусам?

Не могу не отметить и следующий момент. Консолидация белорусской диаспоры, в том числе в России, обусловленна объективной, заметно обострившейся потребностью в сохранении и

развитии этнической и национальной идентичности, родного белорусского языка, культурных традиций и конечно же разносторонних связей с первородиной-Беларусью. В своих патриотических устремлениях белорусское движение принципиально сродни аналогичным «диаспорным» движениям. Скажем, русскому, украинскому, армянскому, еврейскому и т.д., которые ни политикам, ни журналистам не приходит в голову шельмовать грязными идеологическими жупелами. Отчего же вдруг подобное, явно неблаговидное исключение Ваша газета позволила себе по отношению к движению белорусов?

Увы, некоторые служители пера в Москве и Минске давно и с упорством, достойным лучшего применения, промышляют на охаивании белорусской эмиграции, белорусского национально-возрожденческого движения как такового. Оно и понятно. Бельмом на глазу у них свободная, независимая Беларусь, прозревающий от холопства и лакейства, осознающий себя и свое предназначение в истории народ.

Всем этим разномастным хаятелям-белорусофобам еще в начале века остро и верно ответил Янка Купала — стихотворением с весьма метким, провидческим названием «Врагам Белорусчины» («Ворагам Беларушчыны»):

Змеиной злобой понапрасну
Не надо белый свет темнить!
Не погасить вам правды ясной:
Жив белорус и будет жить!

*(Перевод с белор. наш — **А.К.**)*

Воистину — не прибавить, не убавить. Все слишком злободневно.

1996 г.

ДРУЖИТЬ — ДОМАМИ*
О российско-белорусских отношениях

Рускія вызвалялі ад палякаў,
Палякі вызвалялі ад рускіх,
Вызвалялі шведы,

Вызвалялі французы,
Вызвалялі немцы.
І хто нас толькі не вызваляў?

Іван Чыгрын. 1986 //
Крыніца, 1997. № 9 (35).

Сначала — о понятиях. Союз, сообщество, содружество... Поневоле воспринимаешь их двойниками, если не мрачной тенью почти устаревших, хотя и не забытых лексем и словосочетаний: советский, коммунистический, союз нерушимый, наш общий дом, новая социальная общность и т. д. и т. п. В моем же представлении эти категории воскрешают образы неких перевернутых, оставленных, за ненадобностью, дорожных указателей и верстовых столбов на пути в «светлое завтра» —также отвергнутом, в силу своей химеричности. Словесные причитания иных политиков и не только политиков по ушедшим химерам, попытки воскресить их лишь подтверждают Марксову тривиальную мысль. В самом деле, человечество мучительно расстается со своим прошлым, повторяя иногда его трагический опыт — на уже в виде фарса. Словом, евангельская притча о ветхих мехах и молодом вине для темы нашей дискуссии, полагаю, весьма кстати.

Теперь — о самом «вине», о путях развития России и Беларуси. Разные они, эти пути. Не только в свете нынешних политических и экономических реалий в соседней стране. Различия куда глубже, принципиальнее. Они обусловлены (да простят мне строгие ревнители «общего корня», «общей судьбы»...) непохожестью, даже противоположностью исторических судеб народов-соседей. Для России — Беларусь (в прошлом Русь-Литва, Великое княжество Литовское) искони служила источником и средством территориального приращения, державного возвышения. А как же сама она — под крылом России? Не посягаю на покровительствующие старания «старшей сестры», хотя «летописный» возраст Минска почти на столетие солиднее возраста Москвы. Но и отводить глаза от одной очевидной и весьма острой проблемы также не хотелось бы. Конкретно — от вопроса национально-духовного выживания белорусской общности под... братской российской опекой — пожалуй верно и справедливо подмеченного

польским публицистом Богданом Цивиньским: «Я не верю в недостаток или слабость политических стремлений в народе, который в течение почти восьми поколений смог устоять перед русификацией и который окончательно не потерял своей индивидуальности. На добрый толк белорусов уже давно не должно было бы быть. Но коль они есть, значит в этом они решительно заинтересованы» (Звязда, 1993, 21 марта).

Впрочем, эта же проблема «белорусского» самосохранения с не меньшей остротой отложилась и на противоположном, польском фланге белорусской истории. Драматические коллизии и уроки самостроения Беларуси при постоянном давлении на нее соседних, более крупных этносов, при напряженном, изматывающим балансировании этого народа м е ж д у «русским молотом» и «польской наковальней» (метафора Чеслава Милоша) — очень они значимы, актуальны, чтобы их не принимать в расчет.

Касаюсь истины в общем-то известной, хотя для «русского» слуха, порядком усыпенного мифологемами о спасительной, цивилизационной миссии России в судьбах Беларуси, возможно, и неожиданной. А между тем национальная мысль, литература этой страны, все еще мало, в своей сути, известные российскому обществу, акцентируют наш взгляд отнюдь не на розовой стороне упомянутого миссианства:

Сотни лет неприятелем-братом прибитая,
Зарастает чужацким пырьем, что лозой сеножать,
Ты лежала забвения пылью покрытая,
А народ обречен был молчать и тебя презирать...

(Перевод с белор. здесь
*и далее наш — **А.К.**)*

Эта резко парадоксальная теза-антитеза «неприятеля-брата» из Купаловой «Белорусчины» (1909) о многом намекает, многое проясняет в истории наших взаимных отношений. К тому же, Янка Купала не одинок в столь лапидарном, философско-поэтическом осмыслении непростой судьбы сородичей. Истина, исповеданная другим поэтом-пророком белорусским, звучит не менее сурово и пронзительно:

Только край наш не загинул —
Пусть спознал немало ран,
Но души из нас не вынул
Ни москаль, ни польский пан...

Якуб Колас. Сымон-музыка. 1918 г.

Мощный национально-будительный заряд несут в себе многие другие, возвращаемые ныне в духовный обиход Беларуси, художественные, научные, публицистические тексты. Заново прочитывается национальная художественная классика, творчество братьев Ивана и Антона Луцкевичей, Вацлава Ластовского, Язэпа Лесика, Алеся Гаруна (А. Прушинского), Максима Гарецкого, Игната Канчевского, Всеволода Игнатовского, Владимира Самойло, кс. Адама Станкевича, Ларисы Гениюш, деятелей эмиграции, других подвижников Белорусского возрождения, чье наследие долгое время замалчивалось или фальсифицировалось. Из затяжного подполья снова выходит на Божий свет белорусская национальная идея, ее базовые составляющие: собственное государство, независимость, суверенитет. Сию политическую первооснову национального бытия Александр Цвикевич, один из идеологов белорусской государственности, обосновывал еще в 1922 году, извлекая прямые уроки для Беларуси из недавних, полосовавших ее спину и грудь, драматических вихрей:

«Дозревание белорусского народа к собственному независимому государственному развитию должно развертываться на пути сопротивления, а не вхождения Беларуси в состав более сильного соседнего государства. Мы ни за какую цену не можем согласиться с тем, что задачей белорусской политики есть пропаганда единения Беларуси с Россией или Польшей, будь то в форме автономии или в форме федерации. Мы рассматриваем эти формы лишь как признаки господства на белорусской земле чужой силы, подавляющей волю народа к независимости или как временный компромисс... в борьбе за эту же независимость. (...) Борьба за независимость Беларуси должна продолжаться непрерывно, до полной победы. Конечная цель этой борьбы должна быть поставлена перед народным сознанием во всем величии, во всей обязательности» (Галынец А. Незалежнасьць як праграма сёньняш-

няга дня // Беларускі сьцяг. Коўна. 1922. № 4. С. 5.).

Актуальность, злободневность процитированного положения очевидна и сегодня, с одним, однако, уточнением: едва ли не весь объем, вся тяжесть и сложность белорусского противостояния (не рискую сказать сопротивления) за свою государственную НЕЗАЛЕЖНАСЬЦЬ отныне сконцентрирована на востоке, в сфере белорусско-российских отношений, поскольку на западном, «польском» направлении эта проблема для белорусов пожалуй уже решена и решена окончательно.

Да, Беларусь исторически обречена на независимость. И не замечать в соседнем народе этого искони живучего, неистребимого упорства и упрямства к самостоятельному бытию —значит заведомо обрекать сии отношения на неудачу. Чем, к сожалению, нередко грешат некоторые стратеги и устроители союза России и Беларуси, представляя его себе едва ли не прямой реставрацией на белорусских землях российского безраздельного господства. Разумеется — ценой белорусского государства, белорусского национально-культурного, особенно языкового Возрождения. Не в угоду ли подобному «интегрированию» наиболее сознательная и мобильная часть белорусских патриотических сил объявлена с официальной трибуны «этнонационалистической сволочью» (см.: Независимая газета. 1995. 5 февраля) и, безнаказанно «укрощаемая» милицейскими дубинками, фактически поставлена вне закона?

Итак, хотелось бы привлечь внимание коллег к исходной, принципиальной проблеме: к адекватному восприятию в России национально-исторического своеобразия и нынешних горьких парадоксов в жизни белорусского общества. Ведь начитаешься, наслушаешься иных прорицателей со страниц и экранов российских СМИ и невольно диву даешься: Беларусь де только тем и озабочена, как бы поскорее с Россией «воссоединиться». Взаимные отношения? Взаимное равноправие? Полноте вам! Хватит «жениxаться» (словечко одного из думских законодателей, наиболее одержимых идеей безотлагательного российско-белорусского слияния). Пора, мол, и под брачный венец. Единое государство — вот вам и все отношения.

Подал же пример нашим сановитым оракулам-интеграторам

ни кто иной, как сам президент российский, когда во время первого визита в суверенную Республику Беларусь (1992 г.) преподнес в качестве дара белорусскому парламенту жалованную грамоту Алексея Михайловича Романова жителям Орши, куда московский царь некогда было вторгся со своими полками при развязывании одной из самых кровопролитных и опустошительных войн (1654-1667) на белорусско-литовских землях. Война эта, поныне иными историографами именуемая «национально-освободительной», «воссоединительной»**, обернулась потерей половины населения, руинами и пепелищами почти всех городов и крупных селений тогдашней Беларуси. Возможно в те драматические времена и родилось в этом народе горькое присловье, уровнявшее шведскую и московскую оккупации: «Стуль маскалі, а стуль швэды — не пазбыцца гэтай бяды» (в записи М. Федоровского).

Во всяком случае белорусских патриотов столь неожиданный жест высокого московского гостя поверг в немалое замешательство —как понимать? Намек на воскрешение «собирательной» политики российских царей, намерение Москвы все же прибрать Беларусь под свою державную длань? А может ученые-эксперты попросту перестарались и, того не желая, «подставили» политика?

Как бы ни было, но «воссоединительные» голоса и призывы поныне не утихают — достаточно послушать иных воинственных «объединителей» из числа российских думцев, да и представителей исполнительной власти. Вещал же недавно с телеэкрана на всю страну министр по делам СНГ: сегодня, мол, отношения России и Беларуси — это союз самостоятельных, независимых государств, но в перспективе де неизбежно их соединение в одно государство. Иначе говоря, тештесь пока, братцы-белорусы, своей «незалежностью», но не очень самообольщайтесь: петля для нее припасена и лишь вопрос времени, когда ее удобнее будет затянуть.

Впрочем, политики в своих проектах-прожектах не одиноки. Та же задача присоединения, а точнее (пора называть вещи по имени), «заглатывания» Беларуси Россией не дает покоя и некоторым солидным мужам от науки. Для них данный вопрос теоретически уже как бы тоже решен, задержка за малым: как сие по-

литическое вероломство поблагопристойнее обставить, то бишь какой формальный статус пожаловать новоприобретенным в лоно России землям? Не без почтения при этом воскрешается опыт российского колониализма в прошлом, связанный с «обустройством», к примеру, Царства Польского, Королевства Финляндского. Тогдашний же, особо примечательный опыт Северо-западного края напрямую не упоминается, хотя призрак воинственного генерала от инфантерии, автора приснопамятной записки на Высочайшее имя о предпринимаемых им мерах по умиротворению и упрочению «русского дела», то есть обрусения мятежной Беларуси, явно оживает в иных рассуждениях.

А теперь нам с вами, после всего вышесказанного, в самый раз горестно посокрушаться: с чего вдруг в этой искони пророссийской стране эдакие дерзкие «антирусские» демарши —вроде публичного сжигания в центре Минска российского государственного флага, не говоря о многочисленных пикетах-протестах у российского посольства, острых, подчас вызывающих публикациях в неофициальной белорусской печати. Я не рискнул бы, в отличие от коммуниста-депутата, думского «стража» нашей безопасности, списывать подобные инциденты не щедроты ЦРУ, на послушание его «белорусской» клиентуры. Дело в другом: в братской стране пробудился, заявляет о себе собственно белорусский национализм — достаточно решительный, даже агрессивный перед угрозой прямого посягательства на святая святых народа — на независимость и суверенитет.

Пора, наконец, задать себе несколько элементарных вопросов, вне которых рассуждения о российско-белорусском сближении, тем более братстве теряют смысл.

Первое. Заинтересована ли Россия, ее политическая, интеллектуальная элита в окончательном оформлении белорусской нации в виде независимого суверенного государства, укрепление которого составляло бы неотъемлемую стратегическую составляющую в российско-белорусских отношениях?

Второе. Может ли Россия в принципе, ни теперь, ни в перспективе, не посягать на самостоятельность этого соседнего государства под какими бы то ни было «благовидными» предлогами (сообщество, союз, федерация, конфедерация, региональная, глобальная безопасность и т. д.), но находить сочетание своих естественных великодержавных, стало быть, и планетарных интересов с собственно белорусскими государственными интересами? Да, конь-тяжеловоз и трепетная лань в одной упряжке несовместимы, что вовсе не обрекает их на взаимную отчужденность в лесном царстве. Тем более — в царстве разумных существ.

Третье. Что для России, с точки зрения ее коренного жизненного интереса, предпочтительнее: самостоятельная, в центре Европы, страна-к р а и н а или очередная стратегическая о к р а и н а? Причем окраина неизбежно мятежная, поскольку вряд ли оскорбленная нация, по крайней мере ее наиболее сознательная, отнюдь не малочисленная часть, ее «священный остаток» будет молча заглатывать неблаговидные проделки своих обидчиков.

Иначе говоря, в-четвертых, что России в конечном итоге выгоднее: Беларусь в качестве союзнического (не исключено даже нейтрального, но дружественного) государства или в виде присоединенной («добровольно вошедшей», — этикетки существа не меняют) территории, на которой российские «газовики» и «силовики» станут полновластными хозяевами, но традиционно пророссийская лояльность, дружелюбие которой будут в корне подорваны.

Итак, союзник или холоп (о холопском благонадежии во взаимных отношениях говорить не приходится)? Таков, на мой взгляд, кардинальный вопрос российской политики относительно ближайшего западного соседа. Не позволить заинтересованным кругам разыграть русскую-панславистскую карту в Беларуси —такова очевидная, общая задача и российской, и белорусской демократии.

Острая тревога за судьбу своего государства давлеет над настроением, сознанием многих белорусов, особенно той части общества, которая не смирилась с дорвавшейся до власти политической смердяковщиной, превратившей идею союза с Россией в предмет сомнительного торга, надругательства над национальными святынями, над гражданскими правами. В этой своей праведной тревоге сознательная, не смирившаяся с правовым беспределом Беларусь стремится быть понятой и поддержанной российскими просвещенными кругами — увы, не свободными от рестав-

рационно-имперских иллюзий. О чем, не скрывая горькой досады, заявил народный поэт, известный общественный деятель Беларуси Нил Гилевич в специальном послании к русским писателям: «Простите, но нам, белорусским писателям, стыдно за вас, коллеги. Разум и сердце противятся понимать вас, вашу гражданскую позицию. Во имя чего вы поддерживаете бездумное и аморальное стремление определенных политических сил ликвидировать независимую Республику Беларусь и создать единое с Россией государство? Неужели вы в самом деле не чувствуете и не видите, как эти силы, спекулируя на социальных бедствиях народа, на «общих славянских корнях», особенно же — на национальном нигилизме многих белорусов, сеют вражду между нами, взращивают неприязнь и отчуждение. Зачем и кому это надо? Кому понадобилось, чтобы вся национально сознательная Беларусь, оскорбленная неуважением и цинизмом, оказалась ввергнутой в отчаянье, за которым ничего хорошего не грядет. Вам что, простите за прямоту, — земли своей мало?» (Літаратура і мастацтва. 1997. 3.01.).

Как же реагировали русские друзья на сей увещевательный голос белорусского собрата по перу? Весьма-весьма своеобразно, если судить по недавней поездке их писательской делегации в Беларусь, на Дни русской культуры. Московские гости еще раз напомнили белорусам о «едином руском», разумеется исключительно православном народе, о «едином языке», о исторической миссии нынешнего ихнего президента — «выдающегося национального и общеславянского лидера», заклеймили «погромщика империи-СССР Шушкевича», а попутно писателя Василя Быкова, ставшего де «бескомпромиссным националистом, остервенело оплевывающим идею сближения двух народов, и все русское, и саму Россию...» (цитаты взяты из публикаций В. Крупина, В. Ганичева, П. Проскурина в газете «Русь державная», 1997, № 12 (44).

Вообще сегодня, следуя логике некоторых русских патриотов, в стане «крайних националистов» и русофобов рискует оказаться едва ли не каждый патриотически настроенный белорус — убежденный сторонник независимого белорусского государства, противник развернувшейся на его Родине русификации, хотя и

не менее убежденный сторонник белорусско-российской дружбы. Разве что понимает ее, дружбу не по уваровской триаде — православие, самодержавие, народность и уж никак не в когтях двуглавого орла. Но — в согласии с давним гуманистическим правилом: вольные с вольными, равные с равными. О чем лишний раз напомнили нам издатели русского перевода небезызвестной поэтической сатиры Ведьмака Лысогорского:

«Рано или поздно, но российским политикам в отношении Беларуси придется иметь дело не с пародийно-холопскими масками, а с истинными патриотами этой страны. Способными достойно и адекватно — конечно же, на своем родном белорусском языке —представлять интересы и Беларуси, и белорусско-российского добрососедства. Верим также, что во благо искренней взаимности оба государства расчистят, наконец, завалы русификаторства —этого дремучего колониалистского выкидыша на самобытной земле, как бы его не тщились подрумянить нынешние шуты-перевертыши в Беларуси и их великодержавные приказчики в России. В отрезвлении великорусском и белорусском не сомневаемся. Тем и живы. Тым і жывом» (Луке Мудищеву привет из России. М., 1995. С. 5-6.).

Вероятно, та же идея о взаимной свободе и равенстве когда-то водила пером неординарного Литвина (по-сегодняшнему, белоруса), с примесью еврейских кровей, — автора пламенно-провидческого послания «Друзьям Москалям». Вспомнить о проникновенных строфах в год Мицкевича будет, пожалуй, в самый раз:

Теперь всю боль и желчь, всю горечь дум моих
Спешу я вылить в мир из этой скорбной чаши.
Слезами родины пускай язвит мой стих,
Пусть, разъедая, жжет — не вас, но цепи ваши.

А если кто из вас ответит мне хулой,
Я лишь одно скажу: так лает пес дворовый
И рвется искусать, любя ошейник свой,
Те руки, что ярмо сорвать с него готовы.

Из поэмы «Дзяды».
Перевод с польского В. Левик.

Новая Россия никак вознамерилась сорвать с себя рабский ошейник. Неужели затем, чтобы набросить его на шею соседа иль брата? Вопрос явно риторичен. И все же...

1998 г.

---

* *«Круглый стол» в Институте экономических и политических исследований РАН, посвященный проблемам российско-белорусских отношений (Москва, 3-4 февраля 1998 г.). Этот же текст был прочитан на вечере белорусской общественности Москвы (22 марта, ЦДЛ), посвященном 80-летию БНР, а также памяти Алеся Адамовича. Выступившие на вечере московские публицисты и критики (Ю. Черниченко, А. Нуйкин, В. Оскоцкий) однозначно отвергли сие выступление как националистическое и де посягающее на достоинства российской демократии.*

** *Этой войне посвящена обстоятельная работа белорусского историка: Сагановіч Г. Невядомая вайна. 1654-1667. Мн., «Навука і тэхніка», 1995.*

В ПОКЛОНЕ СЛОВУ БЕЛОРУССКОМУ*

Наши кризисные времена не очень щедры на положительные эмоции. Утешение — в храме, каковым для меня и, по-видимому, для многих собравшихся в этом зале издавна стала Главная Библиотека России, легендарная «ленинка». В самый раз причаститься к роднику, пульсирующему из ее глубин:

Псалтыр, пакрытую няжорсткай, бурай кожай,
Я ўзяў і срэбныя засьцёжкі адамкнуў,
Перачытаў радкі кірыліцы прыгожай
І воску з ладанам прыемны пах адчуў.
....
Восьпсальма сьлічная: «Як той алень шукае
Крыніцы чыстай, так шукаю Бога я,
Як вее сьвежасьцю яе краса жывая,
Як радасна сьпяшыць душа мая...

Максім Багдановіч. Кніга.

Но у меня в руках не рукописная, полувековой давности «псалтырь», а современное многотиражное издание — «Слоўнік эпітэтаў беларускай літаратурнай мовы» М.П.Пазьнякова (Мн., 1988). Однако и эти страницы в любом восприимчивом сердце способны всколыхнуть трепетное волнение, родственное тому, которое когда-то испытал Поэт от соприкосновения с древним фолиантом, созданным дьяком Гапоном «у месьце Ваўкавыску». Оставят ли, к примеру, равнодушным читателя неисчеслимые краски, тона и полутона белорусской осени, с ее пленительными и неуютными контрастами? — *сухая, ясная, залатая, барвовая, калінавая, празрыстая, пагодлівая, чыстая* и в ту же пору *халодная, золкая, палынная, гнілая, сьцюдзёная, мокрая, аблошная, зьдзічэлая, сібэрная...* Более двадцати образных, психологически неотразимых оттенков одного только слова ВОСЕНЬ. Не менее колоритна художественная «экипировка» — более тридцати эпитетов! — белорусской ВЯСНЫ.

Мне душу смуткам напаўняе,
Што ў прошласьць канулі гадочкі,
Мае шчасьлівыя дзянёчкі, —
Прайшла, вясна ты маладая!

Якуб Колас. Новая зямля.

А что говорить о чарующих звуках белорусской песни, о сочной, острой пословице, присказке, о несметных россыпях устных поэтических творений, представленного вашему взору многотомной серией «Беларуская Народная Творчасьць». И каким же надо оказаться слепцом, национально-нравственным калекой, чтобы по адресу всего этого богатства духовного решиться на чванливый плевок, который позволил себе, сравнительно недавно, один непомерно амбициозный властодержец: мол, белорусский язык — бедный язык, на нем нельзя выразить великие мысли (кто-то верно парировал: были бы мысли). Увы, он далеко не единственный — сей дремучий порицатель, «далакоп» языка Багдановича, Купалы, Максима Гарецкого, Янки Брыля, Ивана Мележа, творений Скарины, Льва Сапеги, многих других шедевров белорусской и мировой литературной классики, украсивших нашу выставку. Впро-

чем, «ад грукату парожняй бочкі» не убудет в слове родном ни мудрости, ни певучести.

Ведь даже в самые мрачные времена светлая, божья надежда не покидала белоруса: «Загляне сонца і ў наша ваконца»... Под жизнелюбивым, провидческим дивизом возродилась на белорусской земле скарининская книготворческая традиция. Плоды этого Возрождения перед вами. В них — наглядный урок и скептику, и оптимисту. Первый, смирив свою высоколобую гордыню, может всерьез заняться постижением поэтических и философских глубин Белорусской Книги. Другой в очередной раз припадет к целительному источнику духовности и красоты. Книга научает и просветляет. И — защищает. Как испокон веков боронит оно белорусский народ от чужеземного беспрестанного посягательства на его самобытность и самостоятельность, предохраняет от исторической пассивности. Особенно в наши дни, когда некий честолюбивый воитель с «рахманага карку» своего «электората», воспылал вожделением взлететь в очередные напалеоны или бесноватые фюреры.

Однако, о врачующих эмоциях. За многие годы породнения с Библиотекой испытал их немало: над скарининскими перводруками, над прижизненными сборниками Дунина-Марцинкевича, Богушевича, над скромной книжечкой Гаршиновского «Сигнала», переведенного на балорусский и изданного в Москве (1891) студентами-подвижниками во главе с Антоном Левицким (в будущем писатель Ядвигин Ш.). Чувства горечи и просветления полнили мою душу «крамольные», до недавнего, работы Вацлава Ластовского, Язепа Лесика, Всеволода Игнатовского, Александра Цвикевича, Аркадия Смолича, других репрессированных ученых, писателей Беларуси, взошедших на гулаговскую плаху за одну-единственную, по сути, провинность — убежденную, действенную белорускость, преданность «мове матчынай». Их произведения, равно и литературное, научное творчество белорусского зарубежья — Николая Улащика, Натальи Арсеньевой, Алеся Салавья, Масея Седнева, Юрки Витьбича, Евгения Калубовича, Витовта Тумаша, Антона Адамовича, Владимира Глыбинного, Янки Запрудника, Зоры и Витовта Кипелей, наконец, Юрки Туронка — также выставлены на общественное обозрение.

Мне остается сердечно поклониться устроителям выставки в лице обаятельной хозяйки нашего трогательного действа — Натальи Петровне Игумновой, заместителю директора Библиотеки. Думаю, мои благодарственные чувства разделят со мной сородичи и коллеги по Московскому объединению белорусистов, обществу «Бацькаўшчына» — профессор Андрей Нарбут, профессор Евгений Ширяев, Алесь Глод, Антон Соболевский, Валерий Баркун, Михаил Шкеленок, да и все желающие.

**На открытии книжной выставки «От Скарины до Купалы» в Российской государственной библиотеке по случаю Дня белорусской письменности и культуры. Москва, 3 сентября 1998 г.*